

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА ООН

Мировое экономическое положение и перспективы 2024

*16 января 2024 года в Доме экономиста —
штаб-квартире Международного Союза
экономистов (Москва, ул. Тверская,
д. 22А) традиционно состоялась ежегодная
презентация доклада ООН «Мировое
экономическое положение и перспективы
2024», организованная Информационным
Центром ООН в Москве и Международным
Союзом экономистов при участии Вольного
экономического общества России.*

*В настоящем разделе представлена
стенограмма мероприятия.*

Мировое экономическое положение и перспективы 2024

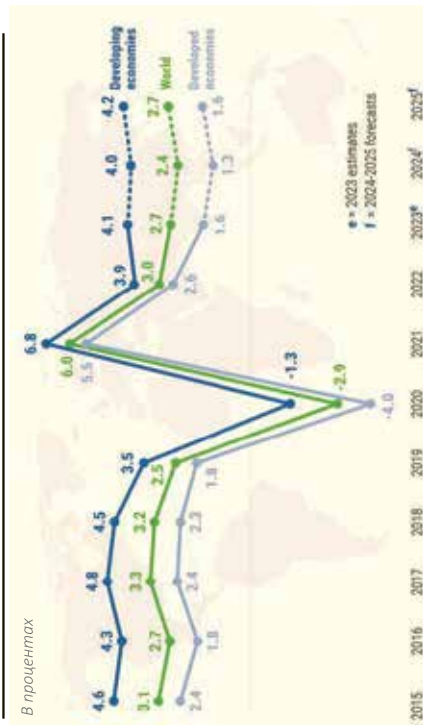

DESA – Департамент по экономическим и социальным вопросам | 16 января 2024 г.

Устойчивость роста маскирует основные риски и уязвимости

Экономический рост в мире, развитых и развивающихся странах

В процентах

Source: UN DESA, based on estimates produced with the World Economic Forecasting Model.

- Прогнозируется, что рост мировой экономики замедлится в 2024 г. после более высоких, чем ожидалось, показателей в 2023 г.
- Ужесточение денежно-кредитной политики, ограниченное фискальное пространство, слабая торговля и геополитические конфликты повлияют на перспективы
- Каскадные глобальные кризисы и замедление экономического роста угрожают подорвать перспективы достижения ЦУР

Ослабленные перспективы роста для многих развивающихся стран

Рост ВВП по группам стран и развивающимся регионам

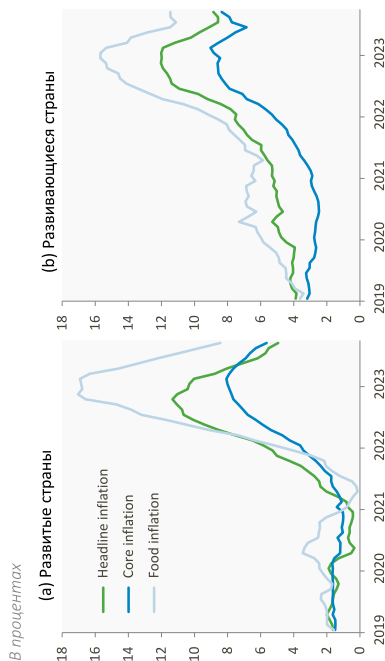
Source: UN DESA, based on estimates produced with the World Economic Forecasting Model. ^eWhole period and Sudan for the period 2023-25; those of South Asia exclude Afghanistan for the period 2022-25; those of Western Asia exclude the State of Palestine for the period 2022-25; those of least developed countries exclude Afghanistan and Sudan for the period 2022-25; and those of landlocked developing countries exclude Afghanistan for the period 2022-25.

- **Ужесточение финансовых условий, сужение бюджетного пространства и вялый внешний спрос**
 - В большинстве развивающихся регионов прогнозируется слабый или умеренное замедление роста.
- По прогнозам, в 2024 г. наименее развитые страны вырастут на 5%, что все еще ниже целевого показателя в 7%, установленного в ЦУР 8.
- Малым островным развивающимся государствам выгодно восстановление международного туризма, но они остаются подверженными климатическим рискам.
- **Слабый экономический рост подрывает борьбу с бедностью**
 - Бедность незначительно снизилась в 2023 г.
 - Уровень бедности в странах с низкими доходами остался выше дотандемических значений.

Инфляция снизилась в большинстве стран, но остается ключевым вопросом политики

Общая инфляция и ее компоненты

Source: UN DESA, based on data from CEIC and Ho, Kose and Omsorgue (2021).

Notes: Country group data are an unweighted 10 per cent trimmed mean, excluding the 10 per cent largest and 10 per cent smallest values from the sample. Core inflation excludes food and energy.

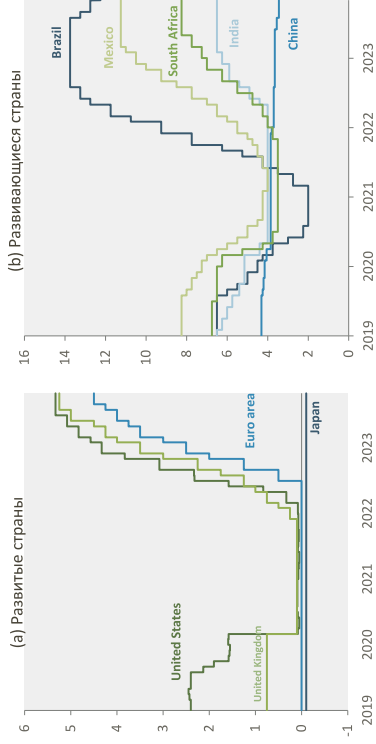

- Инфляция снизилась во всем мире; но инфляционное давление во многих странах остается высоким.
- Мировые рынки труда восстанавливаются быстро, но неравномерно.
 - В развитых странах рынки труда устойчивые;
 - Уровень безработицы в развивающихся странах все еще выше, чем до пандемии.
- Гендерный разрыв на рынке труда сохраняется.

Более высокие процентные ставки на более длительный срок создают риски

Ключевые ставки центральных банков в отдельных крупных экономиках

В процентах

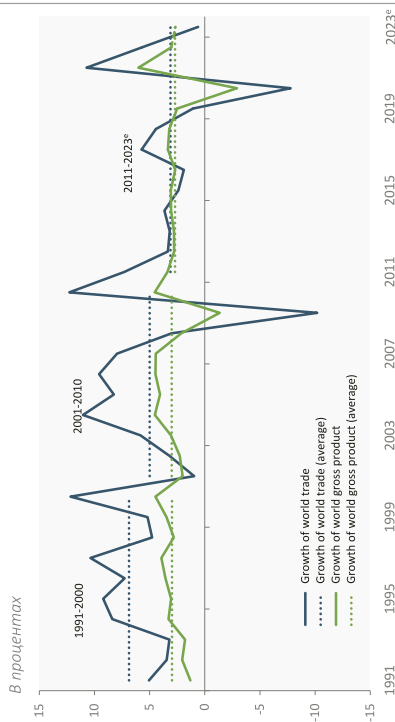
- Ожидается, что глобальный цикл повышения процентных ставок закончился, но позиция денежно-кредитной политики, вероятно, останется жесткой, наряду с ускорением количественного ужесточения.

- Высокие процентные ставки и жесткие условия кредитования могут усугубить давление на платежный баланс и долговую уязвимость развивающихся стран.

Source: UN DESA, based on data from CEIC and Trading Economics.

Международная торговля теряет обороты как драйвер роста

Рост мировой торговли и мирового ВВП

Source: UN DESA, based on estimates produced with the World Economic Forecasting Model.

Note: G-estimates.

Мировая торговля значительно ослабла

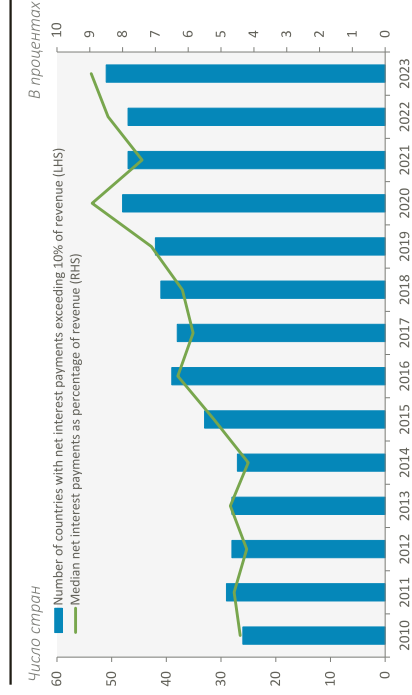
- Спад торговли товарами – сдвиг потребительских расходов с товаров на услуги.
- Более высокая стоимость заимствования.
- Рост геополитической напряженности.

Рост мировых инвестиций будет оставаться сдержанным

- Инвестиции в жилищное строительство значительно ослабли в развитых странах.
- Ограничение ликвидности, рост стоимости заимствований и экономическая неопределенность препятствуют росту инвестиций в развивающихся странах.

Хрупкое финансовое положение во многих развивающихся странах

Государственные процентные расходы в развивающихся странах

- Более высокие процентные ставки отрицательно повлияли на бюджетный баланс.
- Более высокий уровень долга и стоимость заимствований создают замкнутый круг замедленного роста, низкого уровня инвестиций и хрупкого бюджетного положения.
- Ограниченное бюджетное пространство сужает способность стран реагировать на будущие потрясения.

Source: UN DESA, based on data from IMF World Economic Outlook database, October 2023.
Notes: LHS=left-hand scale, RHS=right-hand scale. Net interest payments of the general government refer to the total amount of domestic and external interest expenses incurred from loans and other forms of borrowing, minus any interest income received.

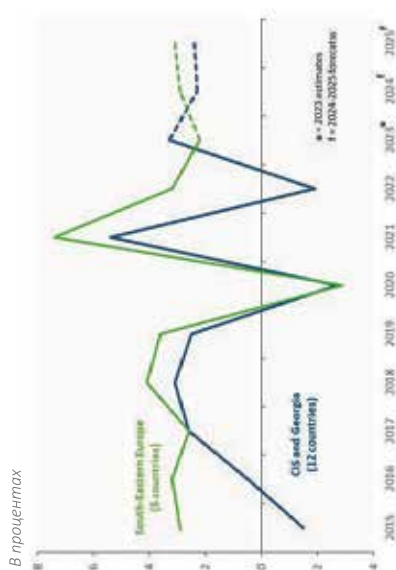
Страны ориентируются в сложном политическом пространстве

 Монетарная политика	 Фискальная политика	 Промышленная политика	 Международное сотрудничество
Центральные банки ищут хрупкий баланс между инфляцией, ростом, занятостью и финансовой стабильностью Центральным банкам развивающихся стран понадобится широкий спектр инструментов макроэкономической и макропруденциальной политики, чтобы минимизировать побочные эффекты ужесточения денежно-кредитной политики.	Правительствам необходимо будет увеличить бюджетные доходы за счет улучшения соблюдения налогового законодательства и повышения прогрессивности налоговой системы Необходимо избежать обремененной на провал бюджетной консолидации.	Необходимы меры промышленной политики для поддержки инноваций, повышения устойчивости и ускорения перехода к «зеленой» экономике Между странами сохраняются огромные различия в их возможностях проводить политику в области науки, технологий и инноваций.	Расширение международного сотрудничества необходимо для: - Поддержания основанной на правилах инклюзивной и прозрачной торговой системы. - Предоставления адекватного и недорогого финансирования развивающимся странам и устранения долговой уязвимости. - Расширения глобальной финансово-финансирования борьбы с изменением климата.

Содружество Независимых Государств и Грузия: адаптация к новым реалиям

Тенденции экономического роста в 2023 г. отличаются для регионов СНГ и Юго-Восточной Европы

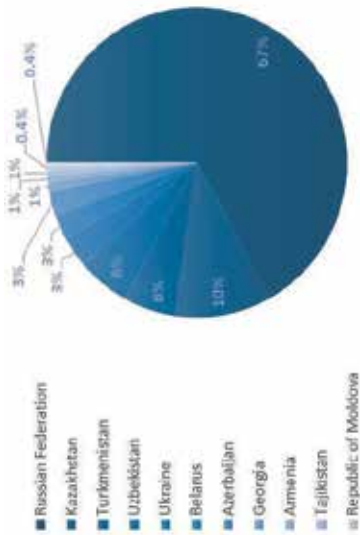
Прирост совокупного ВВП по региону

Source: UN DESA, based on estimates and forecasts produced with the World Economic Forecasting Model.
Note: e = estimates; f = forecasts

Доля экономик региона СНГ и Грузии по странам, 2022 г.

Source: UN DESA.

Военные действия на Украине продолжают влиять на регион

Экономика региона адаптировалась к военным действиям на Украине и экономическим санкциям против Российской Федерации

В 2023 г. ВВП возрос во всех странах, кроме Молдовы, где экономика немного сократилась

- Переориентация торговли, финансовых потоков и денежных переводов
- Появились новые цепочки создания добавленной стоимости, особенно внутри Евразийского экономического союза
- Более высокие, чем ожидалось, показатели российской экономики в 2023 г. способствовали росту региона благодаря его значительной доле и сопутствующим эффектам
- Совокупный ВВП СНГ и Грузии увеличился, по оценкам, на 3,3% в 2023 г. после сокращения на 1,9% годом ранее

Показатели региона оказались лучше, чем прогнозировалось – после сокращения на 1,9% в 2022 г. его совокупный ВВП увеличился на 3,3% в 2023 г.

- В 2023 г. российская экономика выросла почти на 3%
 - Растущая доля государственных расходов в ВВП и растущее импортозамещение
 - Военные расходы – значительная составляющая государственных расходов – резко возросли
 - Высокий уровень сельскохозяйственного производства
 - Быстрый рост номинальной заработной платы и увеличение социальных трансфертов способствовали росту частного потребления в первой половине 2023 г.; субсидируемая ипотека поддерживала строительство
 - Многие иностранные компании все еще работают на российском рынке, по крайней мере частично
- Многим странам региона удалось сохранить высокую экономическую активность
 - Релокация российских предприятий и резидентов и связанные с этим потоки капитала
 - Увеличение экспорта/реэкспорта на российский рынок

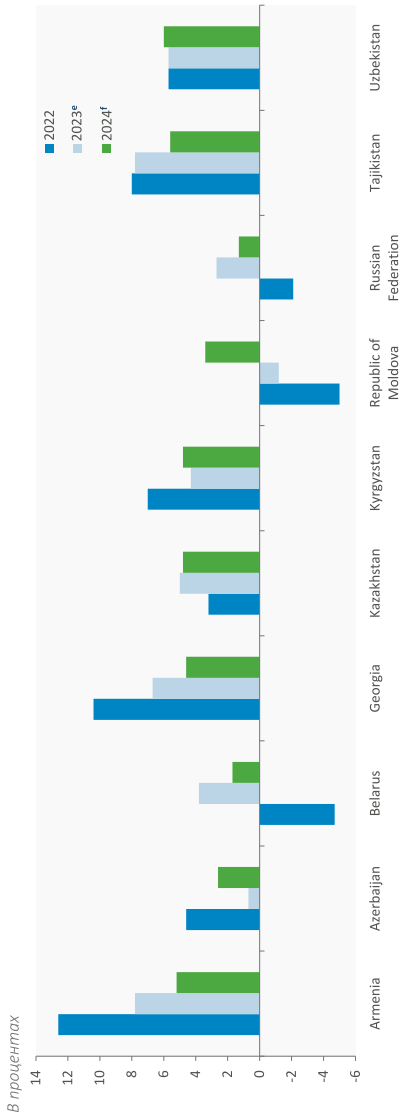
Экономическая ситуация на Украине остается сложной

В 2023 г. на Украине наблюдался незначительный рост в диапазоне 4,5–5%

- Большая устойчивость к продолжающимся военным действиям, особенно в том, что касается электроснабжения
- Частное потребление возросло, а капитальные затраты на реконструкцию увеличились
- Объем сельскохозяйственного производства ниже уровня, наблюдавшегося до военных действий, отгрузка зерна проблематична
- Значительный разрыв между прогнозируемыми доходами и расходами бюджета в 2024 г.
- Внешняя помощь по-прежнему имеет решающее значение, но в основном предоставляется в виде займов, а не грантов
- Важна отсрочка выплат по внешнему долгу (G7, Парижский клуб до 2027 г.)
- Финансирование реконструкции остается сложной задачей

Рост ВВП в регионе СНГ и Грузии в 2022–2024 гг.

Рост ВВП в регионе СНГ и Грузии в 2022–2024 гг.

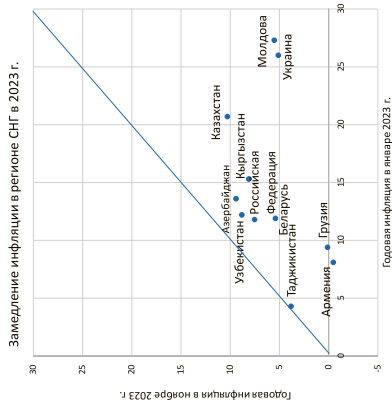

Source: UN DESA, based on estimates and forecasts produced with the World Economic Forecasting Model.
Note: e = estimates, f = forecasts

Инфляция в регионе в основном замедлилась в 2023 г.

Инфляция в отдельных странах СНГ

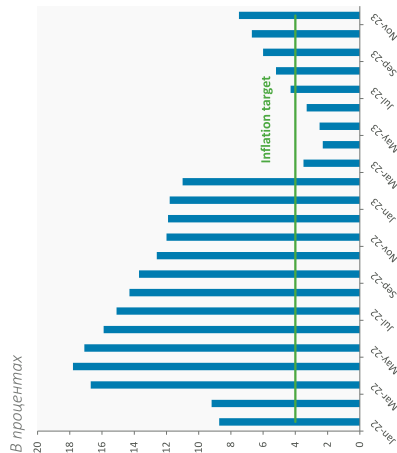
Source: UN DESA, based on data from Trading Economics and national sources.
Note: The blue line is at 45 degrees.

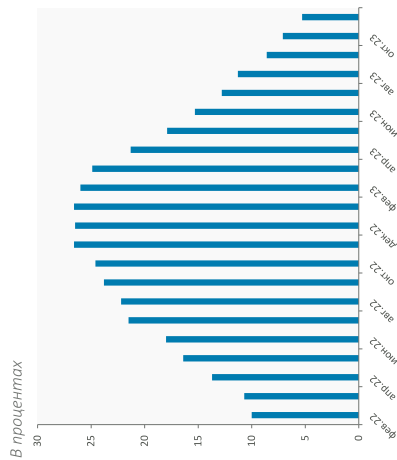
- Сильный эффект базы от резкого роста цен в 2022 г. (особенно на Украине); снижение цен на продовольствие и энергоносители в 2023 г.
- Влияние более раннего ужесточения денежно-кредитной политики практически всеми центральными банками региона.
- Крепкие обменные курсы в некоторых странах СНГ, чему способствовал приток капитала.
- Однако во второй половине 2023 г. инфляция в Российской Федерации ускорилась (обесценивание валюты, рост номинальной заработной платы, высокий внутренний спрос).

Динамика инфляции в Российской Федерации и на Украине, январь 2022 г. – ноябрь 2023 г.

Российская Федерация

Украина

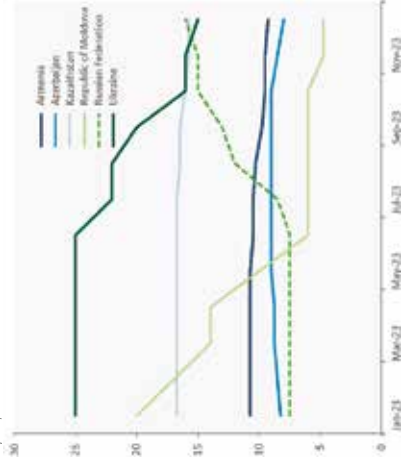
Source: UN DESA, based on data from Trading Economics and national sources.

Денежно-кредитная политика на пространстве СНГ в основном смягчилась в 2023 г. (за исключением Российской Федерации)

Ключевые ставки в регионе СНГ

В процентах

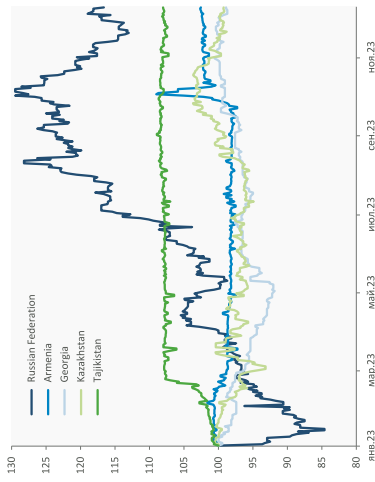

Source: UN DESA, based on data from Trading Economics and national central banks.

Обменный курс российского рубля несколько «отсоединился» от курса других валют СНГ

Обменный курс по отношению к доллару США

Индекс, 2 января 2023 г. = 100

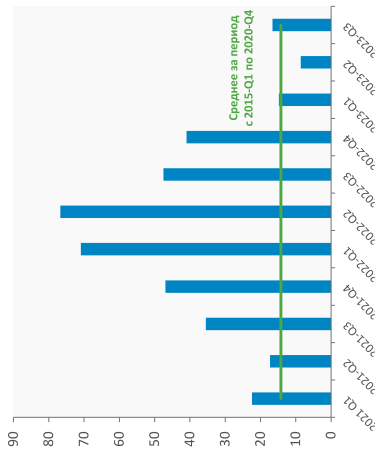

Source: UN DESA, based on data from national central banks.
Note: An increase in the index means depreciation of currency against the United States dollar.

Сальдо счета по текущим операциям Российской Федерации

Млрд долл. США

Среднее за период
с 2015-Q1 по 2020-Q4

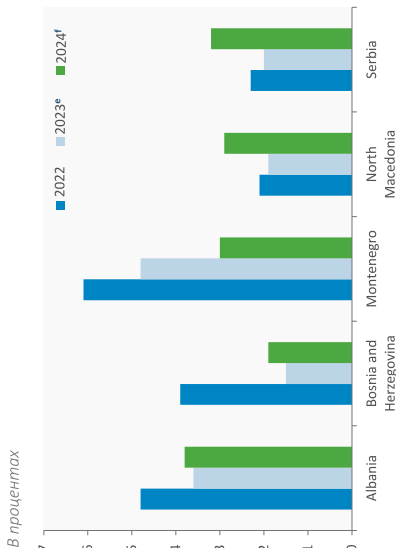
Source: UN DESA, based on data from Trading Economics.

Краткосрочные экономические перспективы региона подвержены многочисленным рискам

- Глобальные финансовые условия остаются жесткими, а геополитические риски преобладают.
- Ожидается, что российская экономика замедлится в 2024–2025 гг., оставаясь на траектории низких темпов роста (исчерпание импортозамещения, высокие процентные ставки в начале 2024 г., нормирование кредитования, нехватка рабочей силы).
- Прогноз для Украины зависит от выхода из конфликта.
- В некоторых странах экономический рост вернется к более устойчивым уровням.
- Ожидается, что совокупный ВВП СНГ и Грузии увеличится на 2,3% в 2024 г. и на 2,4% в 2025 г.
- Усилия по восстановлению на Украине потребуют огромных ресурсов.

Юго-Восточная Европа: замедление в 2023 г., умеренный рост ожидается в 2024 г.

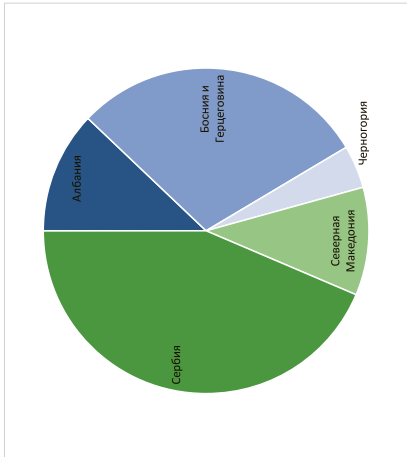
Рост ВВП в Юго-Восточной Европе

Source: UN DESA, based on estimates and forecasts produced with the World Economic Forecasting Model.
Note: * Estimates, f: forecasts

Доля в общем объеме производства, 2022 г.

Source: UN DESA.

Юго-Восточная Европа: замедление в 2023 г., умеренный рост ожидается в 2024 г.

- Замедление темпов роста в 2023 г. отражает потерю динамики в ЕС.
- Больше всего пострадал производственный сектор, в то время как сфера услуг (особенно туризм) устойчива.
- Увеличение расходов в государственном секторе и минимальной заработной платы частично компенсировало разрушительное воздействие высокой инфляции на доходы и потребление.
- Ожидается, что рост немного ускорится в 2024 г.
- Структурные препятствия для роста—крупный неформальный сектор, низкий уровень участия в рабочей силе (особенно женщин), демографическое давление, внешняя миграция.
- ЕС предусматривает план роста экономики региона на сумму 6 млрд евро на десятилетний период.

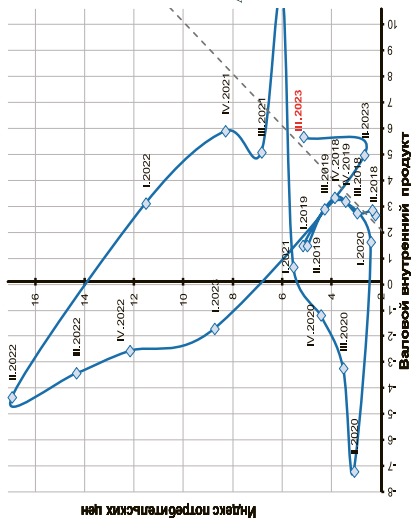

**ЦЕНТР МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
И КРАТКОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Тел.: +7-499-129-17-22, факс: +7-499-129-09-22, e-mail: mail@forecast.ru, <http://www.forecast.ru>

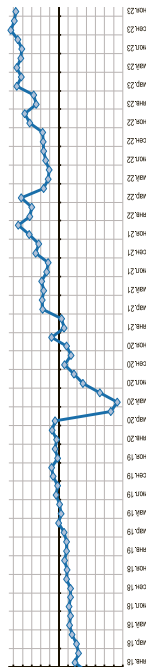
Приложение: О ситуации в российской экономике и среднесрочных перспективах развития

Динамика инфляции и экономического роста, квартал к соотв. кварталу предшествующего года (темы прироста, %)

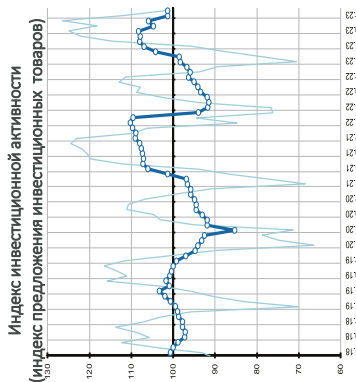
Высоконастоящие данные об экономической динамике показывают, что она, как и ожидалось, снизилась. Говорить о рецессии рано. Но сбой в механизме воспроизводства уже налицо. Судя по оперативной информации, основной удар пришелся по частным инвестициям в основной капитал — наиболее ценному элементу спроса. Рост потребления населения основывается, в значительной мере, на расширении продаж непродовольственных товаров, которое, по всей видимости, является реакцией на начавшийся, но не законченный, цикл повышения процентных ставок по потребительским кредитам.

Агрегат экономической активности (со снятой сезонностью, среднемесячный уровень 2019 г. = 100)

В III кв. в экономике, на фоне в целом благоприятных итогов, появились признаки ухудшения ситуации. Изменился баланс между экономическим ростом и инфляцией: рост ускорился не очень сильно (с 4,9% до 5,5% — хотя инфляция подскочила почти вдвое — с 2,7% до 5,1% (а в ноябре — до 7,2%)). Если эта ситуация закрепится, есть риск, что прирост спроса в экономике в очень значительной степени будет «уходить» в инфляцию.

Источник: ЦИМАКТ

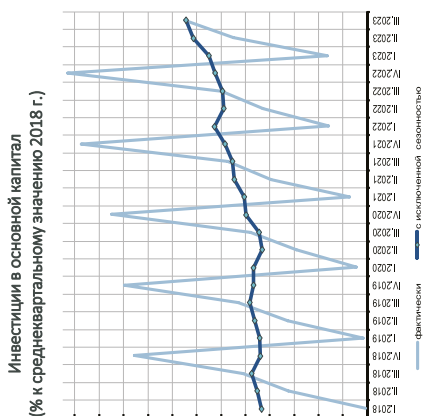

В III кв. рост *инвестиций в основной капитал* сохранился, лишь замедлившись (первый квартал: +2,2%, второй: +5,4%, третий квартал: +2,3%, сезонность устранена). Эта динамика находится в разительном противоречии со все более негативной динамикой предложения инвестиционных товаров и объясняется либо продолжением в III квартале «строительного бума» (в октябре сошел на нет), либо с таким специфическим компонентом инвестиций, как военная техника.

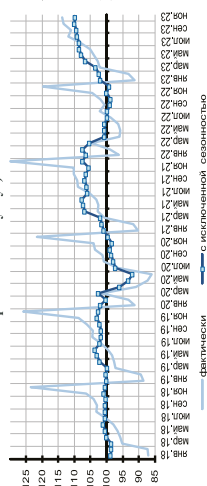
Потребление населения в целом растет (июль: +0,2%, август: +0,5%, сентябрь: +0,2%, октябрь: +0,7%, ноябрь: -0,2%, сезонность устранена), но почти исключительно – на фоне ожиданий дальнейшего повышения ставок по потребительским кредитам – за счет расширения *продажи непродовольственных товаров* (июль: +0,6%, август: +0,5%, сентябрь: +0,7%, октябрь: +1,4%, ноябрь: -0,9%, сезонность устранена).

Источник: ЦМАКП

24

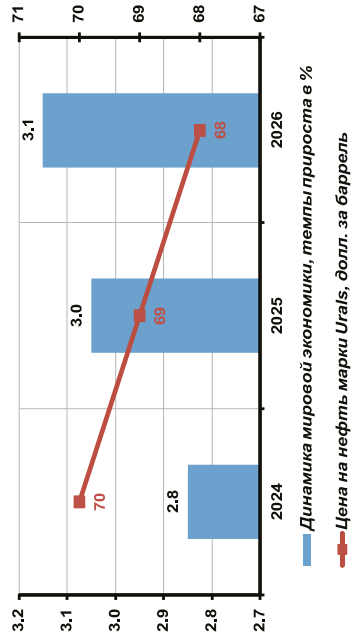

Потребительские расходы населения (объемы покупок товаров и оплаты услуг)

Внешнеэкономические условия прогноза

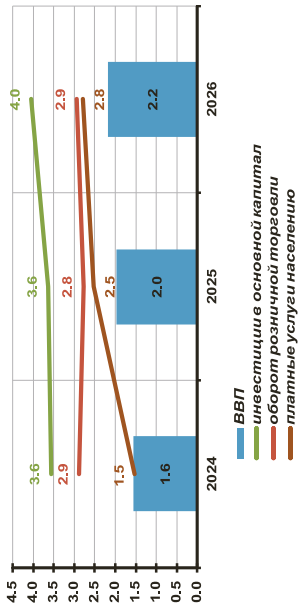
Динамика мировой экономики и цен на нефть марки Urals

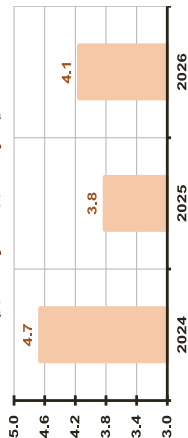
Источник: ЦМАКП

Прогноз на период до 2026 г., темпы прироста в %

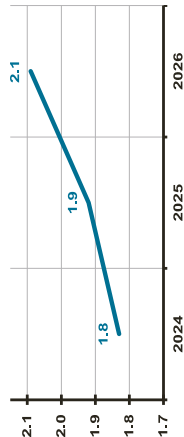
Экономический рост

Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю)

Реальная заработная плата

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-245-1-60-120

СТЕНОГРАММА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОКЛАДА «МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 2024»,

подготовленного Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ) в сотрудничестве с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и пятью региональными комиссиями ООН.

16 января 2024 г.

Москва, ул. Тверская, д. 22А, Дом экономиста

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Международный Союз экономистов (в Генеральном Консультативном статусе Экономического и Социального Совета ООН) и Информационный Центр ООН в Москве при участии Вольного экономического общества России.

МОДЕРАТОР:

Дынкин Александр Александрович, вице-президент Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

ОТКРЫТИЕ:

Ратникова Маргарита Анатольевна, вице-президент Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России.

Кузнецов Владимир Валерьевич, директор Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве.

ПРЕЗЕНТЕРЫ:

Белоусов Дмитрий Рэмович, заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

Ипатова Ирина Борисовна, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

Широв Александр Александрович, член Президиума Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН.

Головнин Михаил Юрьевич, член Президиума Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук.

Миловидов Владимир Дмитриевич, член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского ин-

ститута мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации.

Порфирьев Борис Николаевич, член Президиума Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Данильцев Александр Владимирович, директор Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук.

Ершов Михаил Владимирович, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук.

Масленников Никита Иванович, ведущий эксперт Центра политических технологий.

Клейнер Георгий Борисович, член Президиума ВЭО России, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Аганбегян Абел Гезевич, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор.

Ратникова Маргарита Анатольевна, вице-президент Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России.

Коллеги, добрый день! Очень рада видеть вас в Доме экономиста на первом событии 2024 года, традиционной январской встрече, ежегодной презентации одного из самых авторитетных докладов ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», который готовится Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН вместе с ЮНКТАД и пятью региональными комиссиями ООН.

Организаторами мероприятия являются Международный Союз экономистов и Информационный центр ООН в Москве при участии Вольного экономического общества России. Международный Союз экономистов имеет уже 25 лет генеральный консультативный статус Экономического и социального Совета ООН, и несмотря на сложности, которые есть сейчас в признании ооновскими структурами российских организаций, он был еще раз подтвержден в ноябре 2023 года. Официально опубликован новый перечень наделенных этим высоким статусом организаций, и Международный Союз экономистов там по-прежнему фигурирует. Всего в мире 142 неправительственные организации, которые имеют генеральный консультативный статус Экономического и социального Совета ООН.

Мы очень признательны Информационному центру ООН в Москве и руководителю группы ООН в России Владимиру Валерьевичу Кузнецову за долговременное плодотворное сотрудничество и выбор площадки Международного Союза экономистов в качестве такого органа для организации презентаций авторитетных докладов ООН.

Прежде чем передать слово модератору презентации академику Александру Александровичу Дынкину, мы очень признательны за его согласие модерировать презентацию доклада, я бы хотела попросить взять слово Владимира Валерьевича для открытия сегодняшнего мероприятия и представления лиц, которые будут презентовать доклад «Мировое экономическое положение и перспективы 2024». Пожалуйста, Владимир Валерьевич.

Кузнецов Владимир Валерьевич, директор Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве.

Маргарита Анатольевна, большое спасибо! Мне очень приятно сегодня оказаться, можно сказать, уже в родном Доме экономистов по такому важному поводу. Это ключевое событие для всей системы ООН — презентация доклада, кратко именуемая WESP-2024. И, разумеется, первые слова благодарности в адрес Международного Союза экономистов, как уже говорилось, носителю генерального консультативного статуса при Экономическом и социальном Совете ООН, примите слова благодарности и в адрес Вольного экономического общества России. В нынешние времена это дорогого стоит. И нет нужды лишний раз говорить о значимости вклада ВЭО России и МСЭ в представ-

ление важнейших ооновских докладов, поскольку авторы доклада — крупнейшие экономисты, и сегодня презентуют доклад, один из соавторов Дмитрий Рэмович Белоусов, заместитель генерального директора Российского центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, и Ипатова Ирина Борисовна, ведущий эксперт Центра. Поэтому мы сегодня будем знакомиться с докладом из первых рук. Слова особой признательности Александру Александровичу Дынкину, президенту Института мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова, который по традиции выступает модератором сегодняшней дискуссии.

Я хотел бы отметить, что мировая презентация доклада состоялась в этом году чуть-чуть раньше, она прошла 4 января, но в то же самое время это нисколько не умаляет значимости нашего сегодняшнего события, поскольку у нас не только прохождение, скажем так, по тексту доклада, что само по себе представляет интерес, но и возможность научной дискуссии, экспертной дискуссии, которая будет касаться важнейших глобальных проблем сегодняшнего мира.

Я хотел бы сказать по поводу доклада, что мое лично беглое ознакомление с докладом не дает повода для большого оптимизма. Там есть достаточно мрачные прогнозы, в том числе и на ближайшую перспективу. Это и стабильно высокие процентные ставки, и дальнейшая эскалация конфликтов, вялая международная торговля, учащающиеся климатические катастрофы, которые создают серьезные проблемы для глобального роста и возможности достижения 17 целей устойчивого развития. Но в то же самое время и в резюме доклада говорится о тех инициа-

тивах и тех призывах, с которыми выступает генеральный секретарь — это и инициатива по стимулированию целей устойчивого развития, которая получила поддержку на глобальном Саммите, посвященном Целям устойчивого развития, который состоялся 18–19 сентября 2023 года (2023 SDG Summit); это и призывы к более активным и смелым инвестициям; и, наконец, итоги состоявшегося в декабре в Дубае главного климатического саммита — это 28-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28), где был принят ряд важных решений, в том числе и по созданию инструментов, таких, как Фонд для возмещения потерь и ущерба от изменения климата развивающимся государствам, что, конечно же, чрезвычайно важно для беднейших стран, потому что одной из ключевых проблем современности, в том числе то, что касается климатической повестки, — это проблема неравенства. Это проблема, которая делает беднейшие страны, в частности страны Африки, еще более зависимыми, сажая их на кредитную иглу, и не дает возможности развиваться нормально, полноценно, то, что принято называть устойчивым развитием.

Мне бы на этом хотелось закончить, и с большим удовольствием передать слово Александру Александровичу Дынкину, нашему сегодняшнему модератору. Александр Александрович, прошу Вас.

Модератор: Дынкин Александр Александрович, вице-президент Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Владимир Валерьевич, большое спасибо за то, что Вы неизменно выбираете нашу площадку для презентации этого важного документа. И Маргарита Анатольевна уже сказала, что это у нас традиционная январская встреча. Я думаю, что мы поговорим, и у нас сегодня замечательные презентеры доклада — и Дмитрий Рэмович, и Ирина Борисовна, но я думаю, что мы поговорим шире, чем этот доклад, о мировой экономике. Я позволю себе сделать несколько комментариев о том, как представляется динамика мировой экономики в прошлом году и в текущем году.

Мировая экономика медленно восстанавливается после пандемии. Еще, конечно, шоки пандемии очевидны. И, конечно, украинский кризис тоже сыграл свою роль. Эти два события увеличили стоимость жизни, и этот фактор тоже влияет на динамику мировой экономики. Но в целом мировая экономика проявила определенную устойчивость. Если говорить об ожиданиях рецессии, а об этом очень многие говорили, то пока предварительные данные только о минимальной рецессии в Германии, минус 0,3% ВВП по прошлому году, но это самые предварительные данные, они будут нуждаться в уточнении. Но динамика в развитой части мира — она превзошла ожидания прежде всего благодаря тому, что уровень потребления инвестиций в Соединенных Штатах не остановился, и Соединенные Штаты далеко сегодня оторвались от зоны евро по экономической динамике. Но что любопытно — в области денежно-кредитной политики, и Владимир Валерьевич об этом сказал,

беспрецедентное ужесточение денежно-кредитной политики, но новый акцент, который мы видим — это акцент на так называемые коммуникационные стратегии, то есть с целью достижения дезинфляции с меньшими издержками для объемов производства посредством управления инфляционными ожиданиями субъектов экономики. Это такая относительно новая черта.

Очевидно, что происходит геоэкономическая фрагментация в мировой экономике. И здесь это видно в фрагментации между Китаем и Соединенными Штатами. Торговля начала снижаться, но объем торговли снижается относительно незначительно. Но где очевидна фрагментация? Она очевидна сегодня в объеме прямых иностранных инвестиций в Китае. Они упали до исторически минимальных значений, которые мы видели в конце прошлого века. А вторая сфера фрагментации между этими двумя экономиками — это, конечно, область высоких технологий, в силу тех санкций, которые вводят Соединенные Штаты, прежде всего на микропроцессоры, на квантовые вычисления и на искусственный интеллект.

Я попытался сделать такую табличку, сравнив оценки ООН и оценки МВФ. В общем, я хочу сказать, что оценки МВФ отличаются. Если ООН считает, что рост мировой экономики в 2023 году был 2,7, МВФ считает, что 2,9. На 2024 год ООН ожидает 3% роста мировой экономики, МВФ — 3,8. По России тоже прогноз ООН — 1,3 роста на 2024 год, прогноз МВФ — 1,1. Если говорить по другим экономикам, по Соединенным Штатам МВФ ожидает 1,5%, по Европе идентичные прогнозы между ООН и МВФ — 1,2%; по Китаю у ООН более оптимистичная оценка — 4,7 и 4,2 у МВФ; и, наконец, по Японии 2024 год, ООН — 1,2, МВФ дает 1%.

Мне кажется, что интересно будет поговорить... я не знаю, Дмитрий Рэмович согласится с этим или нет, но поговорить о технологическом прогрессе, потому что до сих пор совокупный фактор производительности в развитых странах заметно снижается после кризиса 2008 года. Похожая картина в Китае. И консенсусная интерпретация этой статистики заключается в том, что основные эффекты третьей промышленной революции, то есть компьютерные, оказались исчерпаны, а новых прорывных технологий всеобщего назначения (таких как, скажем, двигатели внутреннего сгорания, компьютеры, мобильная связь) не появилось.

Но что любопытно? То, что есть опережающие индикаторы технического прогресса. Я имею в виду — это индексы смертности и рождения новых компаний. Так вот, в американской экономике за 2021–2022 гг. эти индексы выросли на 25% по сравнению со средними для первых двух десятилетий века, и резко выросла динамика перетока рабочей силы между старыми и новыми компаниями. Я не знаю, реализуется ли вот этот опережающий индикатор, но это такое заметное явление.

Конечно, очень много разговоров, особенно среди тех, кто занимается мировой экономикой, об архитектуре будущего мирового порядка. Есть такая банальная точка зрения, что мировой порядок будет многополярным, справедливым и так далее. С моей точки зрения, это такая завышенная оптимистическая оценка, потому что мировой порядок никогда не будет справедливым. Всегда есть страны, которые мощнее, есть страны, которые быстрее развиваются, есть страны, которые деградируют, поэтому говорить о том, что это некое всеобщее царство справедливости — на мой взгляд, преждевременно.

С моей точки зрения, сегодня очевидна новая биполярность в северном полушарии, я имею в виду, между группой стран евро-атлантических, как мы их называем, Соединенные Штаты и Западная Европа, и Китае-центричный центр вместе с Россией, в то время как на юге можно ожидать динамичного полицентризма. Когда я об этом говорю, обычно задают вопрос: «Почему Вы Китай относите к северу?» Во-первых, не только я отношу Китай к северу. Все индийские экономисты тоже относят Китай к северу. Если посмотреть на ВВП на душу населения, в Китае этот показатель очень приличный — более 12,5 тыс. долларов на душу населения, тогда как в Индии это всего лишь 2600 долларов на душу населения.

Вот такой мой взгляд на эти процессы. Конечно, для нас важно сохранять то, что я называю стратегической автономией. Это не должно даже дискутироваться. Но если мы говорим о постоднопольном мировом порядке, для него нужны новые институты, и они постепенно формируются.

И здесь важное событие — это БРИКС. С этого года председательство перешло к России. Вы знаете, что сегодня в эту организацию входят пять стран, и еще пять стран — этот вопрос будет обсуждаться на уровне глав государств, они рассматриваются в качестве потенциальных членов. Провели такие предварительные расчеты, и у нас получается, что совокупная экономическая мощь этих десяти стран составляет 67 трлн долларов, что превышает суммарный объем ВВП стран семерки. По ряду рынков, скажем, по металлургии, по нефти, по минеральным удобрениям, по продовольствию эти страны БРИКС далеко превышают долю стран семерки и в производстве, и в потреблении. Поэтому мне кажется, что если России удастся

убедить страны — члены БРИКС перейти к некой более согласованной экономической и технологической политике, то это будет таким важным, заметным событием, и тогда БРИКС станет одним из таких институциональных кирпичиков будущего мирового порядка.

Очевидно, что страны Евразийского экономического союза тоже являются вот этим институциональным блоком будущего мирового порядка. И здесь я хочу отметить, что дела у пяти союзных стран идут гораздо лучше, чем у стран СНГ, которые предпочли остаться за пределами ЕАЭС, я имею в виду Азербайджан, Молдавию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан. По прошлому году ВВП на душу населения в странах Евразийского союза было в 3,5 раза выше, чем у этих несоюзных стран. Я считаю, что это тоже такой важный результат минувшего года.

На этом я, наверно, поставлю точку. Дмитрий Рэмович, прошу Вас.

Белоусов Дмитрий Рэмович, заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

Добрый день! Большое спасибо организаторам, спасибо тем, кто смог прийти. Два организационных замечания и несколько вводных слов.

Первое: мы не являемся соавторами этого доклада. Этот доклад готовится в Нью-Йорке Департаментом по экономическому и социальному развитию ООН. Да, они используют материалы стран-партнеров, но готовят его, конечно, сами. И выводы в Докладе — это выводы департамента ООН.

Второй момент, я сейчас сделаю несколько вводных слов по общей картинке. После этого Ирина Борисовна остановится на основных блоках доклада, и я дополню нашу презентацию рассказом об экономической ситуации в странах СНГ и России.

Базовая метафора, которую я бы применил к данным доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы 2024», это классический фильм Джорджа Лукаса «Скрытая угроза». Вроде все хорошо: идет восстановление, в прошлом году не реализовались самые ужасные прогнозы по поводу разного рода шоков.

Но это восстановление оказалось и менее масштабным, чем ожидалось, и совсем не с той географией, которую ожидали эксперты: это связано в том числе и с развитием Китая. Одна из самых непонятных сейчас историй — замедление роста в Китае: что это, краткосрочный сбой, связанный с проблемами в строительстве, финансах и так далее, или долгосрочный тренд?

И, наконец, все это обременено очень серьезными финансовыми проблемами, причем буквально во всех крупных странах — и в Соединенных Штатах Америки в той или иной мере, и в странах ЕЭС, и в Китае, и ряде других стран. Наиболее развитые страны (Китай здесь — исключение) ответили на инфляционные риски ужесточением финансовой политики, повышением процентных ставок, которое, с одной стороны, притормаживает рост, а с другой — вызывает естественный переток капитала в эти страны и замедление развития (в том числе относительную нереализацию инвестиционных проектов из-за отсутствия притока капитала с рынка) в развивающихся странах. Соответственно, развивающиеся страны после ковида, в ряде случаев, в пол-

ной мере не восстановились. В каких-то странах ситуация улучшилась, типа малых островных государств, у которых есть туристический поток.

Но один из самых загадочных негативных эффектов 2023 года — это то, что ожидалось, что после окончания пандемии мы вернемся к нормальной торговле, восстановится логистика, в том числе продовольствия. Но в полной мере этого восстановления не произошло. Учитывая высокие процентные ставки, возникает вопрос, и об этом говорил Генеральный секретарь ООН: как в этой ситуации мы будем достигать целей устойчивого развития, особенно в плане борьбы с бедностью, в плане индустриализации развивающихся стран, которые нуждаются в больших капитальных вложениях, и в плане зеленой революции, что тоже требует крупных капитальных вложений.

Ипатова Ирина Борисовна, ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

Как уже сказал Дмитрий Рэмович, мировая экономика в прошлом году оставалась достаточно устойчивой, но она скрывала краткосрочные риски и структурные уязвимости, связанные с высокими процентными ставками, новыми конфликтами, слабой международной торговлей, ограничением фискального пространства. Все это привело к тому, что авторы доклада прогнозируют замедление темпов экономического роста до 2,4% в 2024 году с 2,7%, это расчетный показатель в 2023 году, что, конечно, ниже показателя, который был после пандемии в 2022 году.

И череда глобальных кризисов привела к тому, что прогнозируются проблемы в достижении целей устойчивого развития, в том числе по снижению уровня бедности.

В особенности эти проблемы повлияли на развивающиеся страны. Ужесточение финансовых условий, сужение бюджетного пространства и вялый внешний спрос привел к тому, что в большинстве регионов развивающихся стран прогнозируется слабое или умеренное замедление экономического роста. В наименее развитых странах он составит в 2024 году 5% при цели 7%. Государствам, которые зависят от туризма, восстановление туристического потока пошло на пользу в 2023 году. Однако новые климатические проблемы могут отрицательно повлиять на экономический рост этих стран. И несмотря на то, что в 2023 году общее число людей, живущих за чертой бедности, немного снизилось, прогнозируется в 2024 году отрицательный тренд, в особенности в тех странах, где низкие доходы населения.

Прогнозируется, что инфляция в большинстве стран снизится с расчетных 5,7% в 2023 году до 3,9% в 2024 году. Однако инфляционное давление остается высоким. В 2023 году была высокая продовольственная инфляция за счет того, что было ограничено предложение, возникали локальные конфликты. Это инфляционное давление приведет к тому, что процентные ставки будут высокими еще долгое время. Мировые рынки труда восстанавливались неравномерно. В развитых странах рынки труда были относительно устойчивыми; в развивающихся странах уровень безработицы так и не смог достигнуть допандемийного значения.

Более высокие процентные ставки создают финансовые и бюджетные риски, особенно в развивающихся странах.

И несмотря на то, что в 2023 году развитые страны во второй половине года перестали ужесточать свою монетарную политику, они заявляют о том, что ставки будут оставаться высокими еще долгое время и власти будут ускорять количественное ужесточение. Это может усугубить давление на платежный баланс и долговую нагрузку развивающихся стран.

При этом международная торговля была слабая, как и глобальный рост производства в 2023 году. Был относительный сдвиг в сторону торговли услугами. Более высокая стоимость заимствований и рост геополитической напряженности будут влиять на этот тренд и в 2024 году. Рост мировых инвестиций также был слабый, особенно в сфере жилищного строительства.

В развивающихся странах на фоне высоких процентных ставок росли риски финансовой и бюджетной устойчивости, росли спреды с теми же американскими казначейскими облигациями, и, соответственно, происходил отток инвестиций. Более высокий уровень долга и стоимость заимствований создают некий замкнутый круг: это замедляет экономический рост в развивающихся странах, что приводит к более низким инвестициям и, соответственно, к росту долговых проблем. Авторы доклада говорят о том, что развивающимся странам нужно принимать большой спектр макроэкономических и макропруденциальных мер для того, чтобы иметь маневр реагировать на новые вызовы в мировой экономике.

В монетарной политике центральные банки по-прежнему ищут баланс между экономическим ростом, уровнем безработицы, инфляцией и финансовой стабильностью. А в фискальной политике авторы отмечают,

что экономикам необходимо повышать доходы за счет улучшения налоговой системы, улучшать налоговую дисциплину вместо, так скажем, малоэффективной количественной бюджетной консолидации. И промышленная политика выходит на первый план, поскольку через нее можно осуществлять меры по поддержке инноваций, в том числе в сфере зеленой экономики. Но между странами существуют некие различия в их способности осуществлять эти меры поддержки, поэтому авторы считают, что необходимо развивать международное сотрудничество. Торговля должна быть прозрачной, инклюзивной и основанной на правилах. Всемирная торговая организация должна решать возникающие конфликты между странами и препятствовать тому, чтобы вводились торговые ограничения, чье число увеличилось за последний год. Для развивающихся стран предлагается разработать новые механизмы по недорогому и доступному достаточному финансированию для устранения их долговых проблем. Акцентируется внимание на том, что необходимо расширять сотрудничество в сфере перехода к зеленой экономике. В том числе для развивающихся стран можно осуществлять программы по снижению долговой нагрузки в обмен на реализацию программ в области климата. Также отмечается, что необходимо скорейшее создание фонда, который будет расходоваться на возмещение ущерба после всевозможных природных катаклизмов.

Дынкин Александр Александрович. Доклад, как всегда, такой ооновский: за все хорошее, против всего плохого. Дмитрий Рэмович, Вы хотите что-то добавить?

Белоусов Дмитрий Рэмович, заместитель генерального директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

По региону СНГ. Основным фактором, который воздействует на весь регион, является динамика российской экономики. Как ведет себя российская экономика, так примерно ведет себя и вся группа стран СНГ, естественно, в силу размера нашей. Крупнейшим системным фактором, разумеется, остается СВО и весь набор причин, следствий и санкций, которые на эту ситуацию наложились. Отмечается, что российская экономика неожиданно хорошо адаптировалась к новой сложившейся ситуации. Эксперты ООН оценивали рост менее чем в 3%, а сейчас уже есть официальные сообщения о том, что это 3,5% и, возможно, даже 4%.

Относительно России в докладе показано, что удалось выстроить новые логистические цепочки, адаптироваться к введенным санкциям в части углеводородов, в том числе за счет танкерного флота, который не подпадает под систему страховок, удалось создать новые кооперационные производственные цепочки и так далее. Соответственно, российская экономика потянула за собой восстановление всех основных экономик региона, за исключением Молдавии (там спад). Существенным моментом стало то, что для более слабых экономик СНГ продолжается прямое положительное влияние на них со стороны денежных переводов из России, и был косвенный положительный момент от релокаций, потому что релоканты — это и человеческий капитал, это и деньги, которые они с собой вывозят, и бизнесы, которые они там создают (часто в кооперации с нашими,

российскими). Сделан акцент и на успехе России в сельском хозяйстве.

Отметим, что авторы доклада отмечают в России не только влияние на рост бюджетных расходов (в том числе на оборону), но и эффекты повышения оплаты труда, а также ипотеку, благодаря субсидированию которой удалось поддержать активное строительство. Однако авторы доклада говорят о том, что этот бюджетный стимул так или иначе исчерпывается. Отмечу, что уже во втором полугодии мы столкнулись с ситуацией, когда произошло ужесточение денежно-кредитной политики, на фоне того, что возможности бюджетного стимула ограничены. Поэтому ООН ожидает замедления экономического роста в России.

В соседних странах, повторюсь, экономика идет в целом за российской, за исключением Молдовы, где второй год подряд отмечается экономический спад. На Украине рост отмечен в диапазоне 4,5–5,0%, но после падения на треть в предшествующем году это не восстановление, а «болтание на дне». С одной стороны, им удалось восстановить часть энергетической инфраструктуры, с другой стороны, идет просадка в промышленности и в сельском хозяйстве, и — что важно — нарастают проблемы с финансовой стабильностью, которая поддерживается исключительно за счет притока внешних финансовых ресурсов. Причем поддержка финансовой системы Украины осуществляется не за счет грантов, а, в значительной мере, за счет кредитов, которые когда-то придется возвращать, и, в общем-то, не вполне понятно как, учитывая масштабы кредитов, с одной стороны, и состояние производственного аппарата — с другой.

Рост затронул более или менее все страны СНГ. В числе чемпионов отдельно выделяется Беларусь, которой удалось «зацепиться» за кооперацию с Россией достаточно успешно. Отмечается также успех государств Центральной Азии.

Исключение — второй год хоть и небольшого, но спада в Молдавии — и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Проблема инфляции. В целом по странам СНГ она замедлилась; в России в меньшей степени, в результате дестабилизации обменного курса, — с точки зрения позиции ООН это связано в том числе с санкциями. С нашей точки зрения, эта дестабилизация курса, скорее, обусловлена чрезмерно ранней отменой ограничений по продаже экспортной выручки. Когда рубль начал укрепляться в конце 2022 года, мы начали быстро и избыточно дерегулировать эту сферу, в результате получили всем известное ослабление (на которое смогли отреагировать слишком поздно). Как бы то ни было, получили прибавку к инфляции. На начало января (по данным за первые девять дней) инфляция составила где-то 7,4%, цель ЦБ — 4,0%. Это, соответственно, обусловило проведение достаточно жесткой денежно-кредитной политики, и, на мой взгляд, избыточно жесткой. Ситуация отчасти имеет структурный, среднесрочный характер (например, «импорт инфляции с мирового рынка» или проблемы локальных дефицитов на наших рынках; она тем самым не чувствительна к процентной политике), отчасти инфляция была связана с факторами, которые уже удалось преодолеть, стабилизировав валютный рынок.

В целом же по группе стран СНГ идет смягчение денежно-кредитной политики, связанное с общим торможением инфляции.

Вопрос смягчения денежно-кредитной политики — это в значительной мере вопрос дальнейшего снижения инфляции. И в России он стоит особенно остро, потому что мы довольно сильно выбиваемся из общей картины по СНГ. Соответственно, обменный курс рубля отделился от курса других валют, поскольку в остальных странах в целом ситуация была намного более стабильная, у нас — довольно драматичная.

В России в Докладе ООН рост ВВП в 2024 году оценивается порядка 1,3%. Мы полагаем, что рост будет более высокий, но, в любом случае, следствием фундаментальных причин (загрузка мощностей, использование рабочей силы, также и конъюнктура слишком жесткой денежно-кредитной политики) является существенное замедление роста в текущем году. То, что в зависимости от динамики инвестиций возможен выход на более высокую траекторию, ООН не видит. В целом можно ожидать, что в зоне СНГ начнется слабо поступательное оживление (отметим, что с Украиной ситуация отдельная).

В Юго-Восточной Европе в целом довольно тяжелая ситуация, за исключением туристических стран, где ситуация заметно лучше (Албания и Черногория). Ситуация там ближе к развивающимся странам. Тем, кому удалось взять «низковисящие плоды» типа туристических потоков — те восстановились; тем, кто зависит от стагнирующих партнеров, а там для ряда стран очень важный торговый партнер Германия (а в ней рецессия), — тормозят. ООН предлагает этим странам проведение реформ, направленных на активизацию инвестиционной деятельности. Я считаю, что это правильно. В южной Европе можно ожидать, что в 2024 году начнется некоторое ускорение роста.

Теперь мы выйдем за пределы доклада ООН. Как я уже говорил ранее, по оценкам, рост российской экономики по итогам 2023 года может составить около 3,5–4,0%. У нас периодом интенсивного роста было первое полугодие, уже в третьем квартале экономическая динамика начала тормозиться (в том числе под воздействием процентной политики). Пока не подведены окончательные итоги года, нет данных по четвертому кварталу. Возможно, были крупные изменения в конце четвертого квартала, которые могли поменять экономическую динамику. Возможно, Росстат переоценит динамику и первых трех кварталов на основе статистики, которая появилась позже.

Хорошо видно, что в России инвестиции росли, но ближе к концу года предложение инвестиционных товаров, в первую очередь оборудования, начало довольно заметно замедляться. Росли потребительские расходы, но в значительной мере за счет продаж непродовольственных товаров, где действовал парадоксальный кризисный механизм: покупай сегодня, потому что завтра ставка по потребительским кредитам будет выше. В этой связи при умеренно консервативных, довольно мягких условиях мы ожидаем роста ВВП в ближайшем году примерно на 1,6–1,8% с последующим выходом на траекторию порядка 2–2,5% в год, если удастся запустить инвестиционный механизм. Ключевые вопросы сейчас — снять ограничения со стороны труда за счет технического перевооружения, благо импорт товаров из Китая достаточно стабилен.

Механизм, который работал в этом году, связанный, в том числе, с довольно интенсивным ростом заработных плат, вряд ли сможет в той же мере работать и дальше. Если удастся обеспечить опережающую динамику инвестиций,

рост российской экономики в 2025–2026 годах составит порядка 2–2,5%. Что касается инфляции в 2024 году, то с учетом ситуации в начале года, вряд ли она опустится ниже 4,5–5,0%, но на горизонте 2025–2026 годов, скорее всего, она опустится на целевой уровень 4%, может быть, с небольшим плюсом.

Дынкин Александр Александрович. Дмитрий Рэмович, спасибо большое, особенно за Ваше дополнение к докладу Организации Объединенных Наций. Коллеги, у меня в списке выступающих семь человек. Просьба такая: 5–7 минут, если это возможно. Александр Александрович Шилов, прошу Вас.

Шилов Александр Александрович, член Президиума Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Спасибо, Александр Александрович. Спасибо уважаемым коллегам за тот материал, который нам предоставили.

Главное, что происходит в мировой экономике — это то, что вся ее структура под воздействием событий 2020–2022 гг. пришла в движение. Это значит, что все страны так или иначе ищут свое место в новой структуре глобальной экономики. Сейчас возникли как ограничения, связанные в том числе и с санкционным давлением, так и существенные возможности. Перенаправление огромных потоков товаров и финансов с западного направления на восточное, наращивание поставок энергоносителей из Соединенных Штатов в Европейский союз — все это элементы

этого процесса, который связан не только с геополитическим конфликтом России и Запада, но и с тем, что интересы крупнейших развивающихся и развитых экономик входят во все большее противоречие. Новым крупным игрокам, ведущим развивающимся странам, вес которых в мировой экономике неизменно растет, хочется иметь больше прав при принятии глобальных решений. И эта конфликтная ситуация не уйдет в ближайшие 5–10 лет. В этой связи можно констатировать, что тенденция к переформатированию мировой экономики и фрагментации или регионализации мировой экономики становится доминирующей. И России для того, чтобы выстраивать собственную экономическую политику, собственную экономическую стратегию, конечно, нужно понимать, в каком направлении будут перестраиваться финансовые и торговые потоки и в каких направлениях можно наиболее эффективно сотрудничать с нашими партнерами.

Напомню, что товарооборот Китая с Россией уже составляет 35% от общего товарооборота России, а с точки зрения импорта и экспорта мы можем большую часть российской торговли описать взаимоотношениями с тремя, четырьмя, пятью странами. Мы видим ситуацию не диверсификации наших торговых потоков, а, скорее, концентрации, что при определенных условиях может порождать дополнительные риски. И необходимо понимать, как мы будем действовать на тех рынках, которые для нас важны в перспективе. Я имею в виду новые рынки глобального юга, Африки и Латинской Америки.

В условиях конфронтации страны вынуждены защищаться. Защищаться они могут либо при помощи финансового стимулирования, что мы активно видели в период

кризиса 2020 года, либо через использование протекционистских мер, ограничений в торговле и так далее. Здесь ключевую роль приобретает климатическая политика. И климатический саммит COP28, который прошел в Дубае в конце ноября — начале декабря 2023 года это наглядно показал — бизнес теперь является более активным игроком на климатической площадке, где решается судьба торговых переговоров. Если раньше доминировали национальные правительства, то теперь крупные компании и корпорации постепенно начинают брать значительную часть климатической повестки на себя.

Если мы говорим уже про наше окружение, про страны ЕАЭС, то я хотел бы отметить, что страны, вошедшие в Евразийский экономический союз, стали бенефициарами той ситуации, которая сложилась в последние 3–4 года. Действительно, мы видим сильный рост и валового внутреннего продукта, и подушевых показателей ВВП. Оказалось, что эти длительные дискуссии по поводу того, а что же дает ЕАЭС таким странам, как Казахстан, Армения, Киргизия, в некотором смысле разрешились сами собой через конкретные показатели экономического роста. И теперь уже трудно говорить о том, что никакого позитивного импульса эти страны от вступления в ЕАЭС не получают. Это значит, что в области интеграции открывается окно возможностей и для других стран. Мы можем рассматривать тот ареал, в котором может существовать Евразийский экономический союз, даже уже шире, чем пространство ЕАЭС. Там возникает Монголия, другие страны, которые входят в азиатскую группу, и в том числе страны СНГ. И это направление создает и дополнительные потоки доходов, и возможности для этих стран, к которым я отношу Тад-

жикистан и Узбекистан, и в целом, довольно серьезно продвинуться с точки зрения формирования экономической динамики на всем Евразийском пространстве.

В докладе ООН дана оценка роста ВВП России в 1,3%, что является адекватной для текущего года, но, по нашим оценкам, он может быть выше, примерно 2%. Разница в оценках ничего не решает. Главное, что наша экономика растет, и мы должны понимать, как нам дальше двигаться в этом меняющемся мире и формировать эффективную экономическую политику на ближайшие годы.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо большое, Александр Александрович. Пожалуйста, Михаил Юрьевич Головнин.

Головнин Михаил Юрьевич, член Президиума Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Доклад очень интересный, и в рамках его обсуждения я бы сфокусировался на термине, который уже вошел в научную литературу применительно к характеристике современного состояния мировой экономики, — «фрагментация». В докладе ООН он звучит в несколько меньшей степени по сравнению, скажем, с материалами Международного валютного фонда. Хотя здесь тоже не все однозначно. Я не могу сказать, что мы наблюдаем в полной мере тенденции фрагментации статистически, но динамика некоторых показателей свидетельствует об их распространении. Например, ярким показателем является отмечаемое

в докладе снижение темпов роста международной торговли в 2023 году.

Если посмотреть на явление фрагментации с точки зрения финансовой сферы, то следует отметить достаточно серьезный шок, который имел место в 2022 году, когда возросла волатильность на мировых финансовых рынках, сократились международные валютные резервы. Но в 2023 году произошла некоторая стабилизация в части снижения волатильности и некоторого восстановления объема резервов.

Если мы говорим о многополярности в мировой экономике применительно к реальному сектору, к международной торговле, то в финансовой системе однополярность сохраняется. И во многом эта тенденция к фрагментации является следствием этой однополярности. Почему? Потому что мы видим, как те же санкции в отношении России фактически выключают ее из этой однополярной финансовой системы, где существует, по сути дела, монополистическая инфраструктура как в банковской сфере, так и на рынке ценных бумаг, контролируемая ведущими развитыми странами. Да, отчасти можно говорить о появлении Китая как отдельного, самостоятельного финансового центра, но мы прекрасно понимаем, что это центр во многом закрытый, он в меньшей степени ориентирован на международные связи и очень специфический с точки зрения участия в международном движении капитала. Мы привыкли говорить о Китае с точки зрения прямых иностранных инвестиций, но на самом деле он во многом взаимодействует с другими странами именно через кредитную систему: через государственные кредиты, которые относятся к прочим инвестициям. И, если говорить о долговой проблеме,

то она во многом проявляется в части задолженности наименее развитых стран именно перед Китаем.

В мировой экономике в 2023 году произошло снижение темпов инфляции. Но я бы вот над чем задумался: а почему произошел всплеск инфляции в 2022 году? Не в смысле конкретных факторов, мы их можем назвать, но эти же факторы действовали и на более ранних этапах — те же цены на энергоносители росли гораздо существеннее в предыдущие периоды. На мой взгляд, одним из возможных ответов может быть рост фрагментации в мировой экономике, потому что именно глобализация оказывала сдерживающее воздействие на глобальные темпы инфляции.

Важный момент — сохранение высоких процентных ставок денежно-кредитной политики в 2023 году. Причем я подчеркну: высоких процентных ставок в условиях снижающейся инфляции. Что это означает? Это означает рост реальных ставок процента и ужесточение условий на мировых финансовых рынках, что тоже подчеркивается в докладе. И вот здесь я бы хотел перейти к проблеме, которая тоже освещается в докладе, — это долговая нагрузка в мировой экономике.

Если в 2021–2022 годах формально по отношению к ВВП долговая нагрузка несколько снизилась, то в 2023 году ее рост возобновился. По предварительным данным Института международных финансов, по итогам первого полугодия 2023 года, глобальный долг составил примерно 336% от мирового ВВП, включая финансовый сектор, или в абсолютном выражении 307 трлн долларов. При этом в первом полугодии 2023 года долговая нагрузка возросла на 10 трлн долларов в абсолютном выражении,

причем в основном за счет развитых стран. В условиях, когда нагрузка снижалась формально в основном за счет высокой инфляции в 2021–2022 году, росли издержки обслуживания долга, потому что повышались процентные ставки. А сочетание, к которому мы приходим сейчас, еще раз повторяю, растущие реальные процентные ставки и растущая долговая нагрузка, — это сочетание осложняет проблему долга. В краткосрочном плане это во многом проблема наименее развитых стран или стран с формирующимися рынками, а вот в среднесрочном и долгосрочном плане это проблема развитых стран, которые формируют основную часть глобального долга. И эту проблему необходимо каким-то образом решать, а мы прекрасно понимаем, что в условиях фрагментации найти консенсус становится все сложнее. Фрагментация — это еще и проблема поиска решения глобальных проблем в существующих условиях.

И в завершение скажу несколько слов насчет такого близкого мне предмета, как денежно-кредитная политика. ООН отметили тройную цель денежно-кредитной политики в своем докладе — это экономический рост, инфляция и финансовая стабильность. В 2023 году ужесточение денежно-кредитной политики привело к замедлению роста, но это замедление не было существенным. Тренды, которые мы наблюдаем, не так однозначны, и многие риски остаются скрытыми и еще не реализовавшимися до конца. Для решения имеющихся проблем развивающиеся страны, а в последнее время — и Россия, используют в монетарном регулировании такие инструменты управления международным движением капитала, как валютные ограничения, макропруденциальная политика и регулирование валют-

ного курса. Отказ от использования валютных ограничений, особенно в современных условиях в России, может привести к существенному увеличению оттока капитала и волатильности валютного курса.

Дынкин Александр Александрович. Большое спасибо, Михаил Юрьевич. Я прошу взять слово Владимира Дмитриевича Миловидова.

Миловидов Владимир Дмитриевич, член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации.

Как вы знаете, сейчас (15–19 января 2024 г.) проходит Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе. Российская делегация, как и в прошлом году, не принимает участие в работе форума. Накануне форума эксперты ВЭФ опубликовали доклад о рисках. И вот интересно сопоставить этот доклад с докладом ООН «Мировое экономическое положение и перспективы 2024».

Что любопытно? Эксперты Всемирного экономического форума делят прогнозируемый период на два отрезка — двухлетний и десятилетний. На двухлетнем ближайшем отрезке времени из трех тревожных градаций ситуации — штормовое, состояние турбуленции и беспокойного состояния такого среднего, умеренного волнения — больше половины респондентов отметили, что в течение ближайших двух лет ситуация будет беспокойной. А вот на горизонте до 10 лет практически 50% респондентов отмечают,

что ситуация будет близка к штормовой или как минимум к турбулентной. Это во-первых.

Во-вторых, очень интересно распределились риски, которые видят эксперты ВЭФ на этот период. На ближайшую перспективу первую строчку среди всех рисков, которые они отмечают, занял риск недостоверной информации и дезинформации, то есть, по существу, искажение информации, информационной среды, в которой мы живем. Когда мы видим такого рода оценки, то невольно хочется сопоставить их с экономическими прогнозами. Как будут реализовываться экономические прогнозы, если мы живем в эпоху, когда движение информации становится крайне затрудненным. Это стало притчей во языцех, называть нынешнее время эпохой постправды. Роль знаний и информации в текущий турбулентный период сильно возрастает. Причем эта роль двояка, с одной стороны, востребовано расширение объемов достоверной информации, что могло бы способствовать объективной оценке рисков и возможностей развития регионов, отдельных стран, частного бизнеса. С другой стороны, происходит «вепонизация» информации, то есть расширяется ее использование рядом стран в целях давления на другие государства, введения санкций, что затрудняет нормальный ход экономической деятельности. Поэтому вполне естественны ответные усилия по защите чувствительной информации, как это делает Россия, обеспечивая тем самым дополнительные условия для усиления адаптационных возможностей нашей экономики, ее сопротивляемости внешнему давлению. Поэтому санкции неминуемо ведут к снижению транспарентности экономики, торговых и инвестиционных связей, цен на ключевые мировые товары.

В этой связи хотелось бы напомнить целый ряд недавних исследований, авторы которых сходятся во мнении, что санкции не дают эффекта. Австралийский мозговой центр, Институт Леви, который, в частности, составляет рейтинги стран азиатского региона по факторам силы, поставил Россию на шестое место по перспективам долгосрочного роста ВВП по паритету покупательной способности. При этом Россия заняла второе место после США по силе сопротивляемости и восстанавливаемости экономики.

Совмещая такого рода факторы, мне хочется сказать следующее, что в условиях, когда происходят такие сильные трансформационные процессы в мире, когда движение информации, отражающей реальные процессы, сильно завуалировано, а где-то и напрямую скрыто, мы будем становиться свидетелями неожиданных и удивительных событий и процессов, как негативных, так и позитивных, таких как восстановление подсанкционной экономики, усиление ее сопротивляемости и устойчивости развития. В прошлом году на глазах менялись цифры прогнозов от отрицательных до теперь обсуждаемых 4% роста российского ВВП. Это все говорит о том, что на сегодняшний день делать оценки крайне сложно, и многое зависит (я в это очень глубоко верю) от того, как происходящие события выражаются в поведении экономических агентов, людей, бизнеса. Их реакция на происходящее зачастую сложно поддается перспективным оценкам, но именно она зачастую ведет к неожиданным положительным результатам. И поэтому на обозримую перспективу те факторы, которые перечислены в докладе ООН, необходимо еще проанализировать и дополнительно

дисконтировать, а может быть, и добавить некую премию к этим показателям с учетом оценки возможной реакции, как я уже сказал, экономических агентов, которая очевидно будет меняться.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо, Владимир Дмитриевич. Я прошу Бориса Николаевича Порфирьева.

Порфирьев Борис Николаевич, член Президиума Международного Союза экономистов, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор.

Хотел бы подхватить своеобразную эстафету, которую задал Владимир Дмитриевич Миловидов, сопоставив эти два доклада. Начать хотел бы с того, чтобы согласился с общим посылом доклада ООН, который мы обсуждаем сегодня, который характеризует ожидаемый период как затяжной период медленного роста, угрожающий достижению целей устойчивого развития. С моей точки зрения, это абсолютно правильная постановка вопроса, потому что вялая динамика инвестиционных процессов, которые прослеживаются в последнее время, не дает оснований для того, чтобы увидеть перелом тех тенденций, которые сложились в 2023 году. При этом речь идет, конечно, не об успешных усилиях российской экономики в 2023 году с точки зрения ее адаптации к сложившейся геополитической и геоэкономической ситуации, прежде всего к санкциям; но о мирохозяйственном взгляде на этот процесс.

Разделяя упомянутую оценку авторов доклада, как и наши основные спикеры сегодня, подробнее остановлюсь на «зе-

ленных» тенденциях развития экономики и его природных рисках, о которых также упоминали докладчики и которым по-прежнему уделяется довольно серьезное внимание со стороны экспертов ООН. Об этом, в частности, свидетельствуют выпуски докладов ЭКОСОС ООН за предыдущие годы.

Авторы обсуждаемого доклада пишут о необходимости решения проблемы роста частоты и масштабов последствий природных бедствий, связанных с климатом. Хотелось бы подчеркнуть, что данная проблема связана не только с климатом. Если обратиться к данным за 2023 год компаний *Munich Re* и *Swiss Re*, мировых гигантов в области перестрахования, увидим, что из примерно 100 млрд долл. застрахованного ущерба (общий ущерб оценивался этими компаниями в 250 млрд и 260 млрд долл. соответственно) 6% пришлось только на одно масштабное землетрясение в Турции и Сирии. Кроме того, в 2023 году были другие землетрясения и рост вулканической деятельности, также нанешие урон экономике. Поэтому не стоит сводить все только исключительно к климатическим бедствиям, при этом никоим образом не отрицая их доминирующий вклад в экономический ущерб от природных катастроф, особенно с учетом не только крупнейших и крупных (более 1 млрд долл. и 60 млн долл. каждое, соответственно), но и менее масштабных (так называемых второстепенных) чрезвычайных ситуаций.

Выделю также приведенный в докладе тезис генерального секретаря ООН о том, что в сфере целей устойчивого развития в ближайшем будущем нужно опираться на прогресс, достигнутый в 2023 году, — тезис тем более непонятный, что сами авторы доклада характеризуют ситу-

ацию в рассматриваемой области как малоприятную даже в 2023 г., не говоря про 2024-й, с ожидаемым торможением социально-экономического развития. Более того, сам А. Гуттериш всего за несколько месяцев до этого утверждения, делая большой доклад на Саммите ООН, посвященном Целям устойчивого развития, озвучил, что из 140 задач устойчивого развития более или менее устойчивый прогресс, соответствующий необходимым для достижения этих целей к 2030 г. динамике, прослеживается лишь в отношении 12% указанных задач, в отношении еще более 50% их числа — ситуация, что называется, «ни то ни се»; а для реализации примерно трети задач устойчивого развития характерны стагнация или откат назад.

Оценка проектов и программ, осуществляемых для достижения целей устойчивого развития, показывает, что в них по-прежнему доминирует климатическая повестка. Это лишний раз подтверждает новейший доклад по глобальным рискам Всемирного экономического форума, который так же, как и рассматриваемый доклад ООН, является регулярным изданием, выходящим в свет практически одновременно с ним. Как уже отметил В.Д. Миловидов, по горизонту прогноза на ближайшие два года доминируют риски искаженной или некачественной информации по ключевым событиям и направлениям развития, но, если обратиться к долгосрочной перспективе, десять и более лет, увидим, что, по мнению экспертов ВЭФ, главным риском устойчивого развития остается (как и в предыдущих докладах, начиная с 2011 г.) климатический.

Уже неоднократно доводилось в связи с этим подчеркивать то, что указанная ошибочная приоритизация задает ложные ориентиры для выбора правильной эко-

номической политики и экономического механизма. Если такая ситуация будет сохраняться и в дальнейшем, перспективы динамичного долгосрочного экономического роста, мягко говоря, не радужные; достижение целей устойчивого развития к 2030 г. нереалистично. Чтобы изменить положение дел к лучшему, во главу угла должны быть поставлены не проблема климатических изменений и в целом «зеленая» повестка, а «традиционные» цели устойчивого развития, связанные с искоренением голода, масштабным снижением бедности и социального неравенства, улучшением ситуации в сфере здравоохранения, а также энергетики, прежде всего устойчивого обеспечения потребности в энергии всех ее потребителей (не говоря уже про стремление к миру без войн) — то есть цели, прямо и непосредственно связанные с основными, повседневными нуждами населения. Только в сопряжении с ними возможен реальный прогресс в осуществлении экологических и климатических программ, в первую очередь в развивающихся странах.

При этом в самой климатической повестке необходимо устранить существующую резкую асимметрию в стратегических направлениях ее реализации, с мощной доминантой борьбы с выбросами парниковых газов и «сиротским» статусом адаптации экономики и населения к последствиям климатических изменений, включая природные бедствия. Если посмотреть на финансирование, разрыв достигает нескольких раз (по отдельным позициям – на порядок), что влечет за собой колоссальные проблемы для устойчивого развития прежде всего тех стран, которые находятся в наиболее уязвимом положении (развивающиеся страны и малые островные го-

сударства); подрываются основы устойчивого развития в целом и экономического роста в частности. На это стали в последние год-полтора обращать серьезное внимание и в ООН, включая ее генерального секретаря и конференции сторон ее Рамочной конвенции по климату, в том числе на недавно прошедшей в Дубае (ОАЭ) COP-2028.

В том числе речь идет о перспективах успешного осуществления стратегии декарбонизации экономики, которая стоит во главе угла сегодняшней климатической стратегии мирового сообщества, согласно которой в мировую экономику для энергетического перехода — ключевого направления этой стратегии — в ближайшие 30 лет нужно вложить 150 трлн долл. или по 5 трлн в год, источник которых — рост совокупных доходов (ВВП). Если все или подавляющая часть средств уйдет на новейшие технологии, обеспечивающие указанный переход, что, как показывают расчеты, весьма капиталоемкий процесс, то «остаточный» риск, связанный с воздействием некомпенсируемых этими технологиями эффектов от антропогенных изменений климата, а также базовый климатический риск, обусловленный естественной изменчивостью климатической системы, если не нивелируют, то в значительной мере снизят эффективность так называемых климатических инвестиционных проектов и в целом поставят под вопрос достижение всей совокупности целей устойчивого развития.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо большое, Борис Николаевич. Пожалуйста, у меня следующий в списке Александр Владимирович Данильцев.

Данильцев Александр Владимирович, директор Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук.

Первое, что хочется сказать, — доклад очень интересный и информативный. Проблемы, на которые хотелось бы обратить внимание и поддержать, — первое: продолжение тенденции к фрагментации мирового рынка, о которой здесь уже говорилось. Но следует помнить, что она может усиливаться не только из-за политических проблем, торговых войн и прочих ограничений, но еще и возможна фрагментация по технологическому уровню развития. Если эти факторы соединятся, то это будет существенная проблема, и как бы России и ее союзникам не оказаться в числе не самых благополучных фрагментов с этой точки зрения.

Дальше. Мы всегда говорим в последнее время о многополярном мире, о формировании многополярной мировой экономики. Может быть, я пессимист, но, на мой взгляд, пока что просматривается, скорее, биполярная модель на основе Соединенных Штатов и Китая. Естественно, есть другие участники. Естественно, растет доля развивающихся стран, в том числе крупных экономик, но давайте посмотрим. Такой крупный блок, как Европа, то есть Европейский союз, сейчас сильно ослаблен. Второй крупный хорошо организованный блок — это ЕАЭС. Он испытывает давление санкционных ограничений. Все остальные альянсы пока что не так хорошо организованы. В одиночку остальные страны, кроме Китая и США, не оказывают такого влияния на развитие мировой торговли, мировой экономики в целом. А все возможные альянсы — они до-

вольно аморфные, они не столь организованы, чтобы стать центром силы.

Следующая проблема — это ослабление влияния и роли многосторонней системы регулирования. Здесь есть риск развала системы права, главенства права в международной торговле. Есть отдельный риск, связанный с электронной торговлей (она пока «бесхозная» с точки зрения многостороннего влияния и регулирования). Это очень опасно. Это наиболее быстро растущая передовая часть торговли, использующая новые технологии, которые будут усиливать свое влияние. А они совершенно не регулируются, и здесь есть риск не просто каких-то межгосударственных трений, конфликтов, но и конфликтов на уровне крупнейших корпораций, то есть данная сфера рискует попасть под влияние частного регулирования, что влечет за собой «войны стандартов», которые могут быть очень разрушительными.

Влияние политики на торговлю — не новый вопрос. Мне всегда хочется вспомнить слова, которые произнес еще на первом раунде санкций (в 2014–2015 годах), один из руководителей Всемирной торговой организации. Он сказал, что торговля — «кандаминейтед» политикой, то есть употребил именно это английское слово — «contaminate», то есть «заражено». Это большая проблема, потому что бизнес и политика всегда находятся в конфронтации даже на таком организационно-административном уровне.

Коллеги сегодня говорили про зеленую экономику, проблемы достижения ЦУР. Надо еще один момент отметить, который усиливает значение этих вопросов — это просто отсутствие позитива в экономике и торговле, отсутствие прорывных достижений, которые могли бы вселить уве-

ренность в возможность общего развития и договороспособности на глобальном уровне.

Известная проблема — это изменение соотношения между темпами развития экономики в целом, ВВП и торговлей, не в пользу торговли. Но не следует поддаваться иллюзии, что значение торговли падает. Она может стать дестабилизирующим фактором. Это, конечно, спорный вопрос, он требует дальнейшего изучения. Я здесь не претендую на какую-то истину, но вот пример: если взять сумму дисбалансов мировой торговли (это не совсем бесспорный показатель, но тем не менее), за последние 20 лет она выросла в 3,5 раза. Понятно, что надо соотносить с объемами торговли, но здесь абсолютный размер тоже имеет значение. Скажем, положительный дисбаланс у России вырос в пять раз, у Китая — в три-четыре раза, у Германии — в 1,5 раза, у Бразилии — в три раза, у Индии в 20 раз, а отрицательный у США — в 2,5 раза, у Турции — в пять и т.д. Это тоже фактор, дестабилизирующий мировую торговлю, и он непосредственно связан с проблемой, о которой говорил Михаил Юрьевич — это проблема использования альтернативных доллару валют. Несбалансированная торговля — это существенное ограничение для использования альтернативных валют. Почему? Потому что известно, что клиринговые механизмы, использование национальных валют не являются большой проблемой при сбалансированной торговле, а вот если торговля не сбалансирована, тогда это действительно проблема, и тогда возникает вопрос урегулирования этих балансов и сразу возникает вопрос применения конвертируемых или мировых валют.

Еще одна проблема здесь тоже отмечалась — это усиление поддержки (субсидирования). И мы знаем, в докладе

прямо приводится информация и сопоставление тенденций применения инструментария регулирования — это рост субсидирования. И здесь, конечно, ящик Пандоры открыл прежде всего Китай. Раньше лидером субсидирования была Европа, теперь Китай. И здесь есть риск того, что конкуренция, институт конкуренции в мировой торговле может быть в известном смысле подменен соревнованием бюджетов. Это то, чего боится и международное торговое сообщество со стороны Китая. Получается, что побеждает не тот, кто организует более эффективное производство, а тот, кто имеет хорошие бюджетные ресурсы.

И еще одна проблема прежде всего для России. Я хотел бы присоединиться всецело к сказанному ранее — это то, что мы рискуем налететь на те же грабли, на которые налетели с Евросоюзом, когда торговля очень сильно сконцентрирована на одном партнере или ограниченном количестве партнеров. Сейчас тут назывался Китай. Эту проблему необходимо решать. Здесь говорилось об альтернативных рынках. Проблема в том, есть ли они и как их создать, так как размер здесь тоже имеет значение.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо, Александр Владимирович. Пожалуйста, Михаил Владимирович Ершов.

Ершов Михаил Владимирович, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук.

Я посмотрел внимательно доклад, и как Александр Александрович предлагал, в контексте докладов параллельных организаций и того, что было сказано раньше ими же, ООН и другими их коллегами, попытался кое-что сравнить. Несколько тезисов, которые привлекли мое внимание.

В докладе говорится, что хрупкая устойчивость формирует риски, которые находятся в системе. Да, напомним нам всем, коллеги, событие в начале 2023 года, когда три американских банка из Калифорнии обанкротились буквально за несколько дней при том, что их активы были больше, чем активы всех 25 банков, которые обанкротились в последний глобальный финансовый кризис в 2008 году. То есть это было мегабанкротство. За несколько дней. Они были на первых ролях по технологическим возможностям, и вот всего через три дня перестали существовать. А если бы они были не столь продвинутые, то выстроились бы очереди вкладчиков, были бы введены ограниченные часы работы банка, как это было всегда, ФРС потом ввела бы меры поддержки, и эти банки остались бы и далее функционировать. Значит, получается, что в данном конкретном примере, с которым мы столкнулись всего год назад, техническая и технологическая продвинутость стала фактором, скорее, уязвимости. Учитывая, что у нас сейчас цифровые и в целом технологические возможности будут постоянно расширяться и увеличиваться, такие проблемы будут только расти, поэтому и эти риски нам тоже надо иметь в виду. Причем это может касаться и первоклассных банков тоже. Это первый круг вопросов.

Второй: об экономическом росте и механизмах поддержки экономики. ООН пишет: «Рост мировой экономики в 2023 году превзошел ожидания удивительной

устойчивостью». Да, превзошел, но какой ценой. Нестандартными мерами, где центральные банки использовали количественное смягчение, причем безлимитное, где центральные банки перешли от своего мандата финансовой поддержки напрямую к поддержке реального сектора. Понимая, что чем прочнее реальный сектор, тем прочнее и финансовый сектор, за который отвечают они, поэтому центральные банки стали менять концепцию своих экономических подходов. Напомню, о чем мы говорили здесь три года назад на презентации доклада ООН 2021 года, тогда ООН писал: «Экономический рост продолжится, если текущая политика поддержки сохранится». А сейчас мы что имеем? — Ужесточение политики. В докладе говорится, что процентные ставки повысились наиболее быстрыми темпами за последние 40 лет, что в результате сложились максимально жесткие условия на финансовых рынках за последнее десятилетие. Это мы, наверно, должны иметь в виду. Другая международная организация (BIS — Банк международных расчетов) говорит, что сочетание факторов, которые сложились в последнее время, позволяет характеризовать ситуацию как высокорисковую. Надо быть готовыми к тому, что нынешний прогресс может существенно замедлиться.

Третий, последний круг вопросов. Тут два таких системных, вызывающих у меня большое внимание к себе выводы — нетрадиционные меры денежно-кредитной политики (ДКП) стали частью, как пишет ООН, стандартного инструментария центральных банков разных стран. Давайте вникнем в смысл. Значит, нетрадиционные механизмы ДКП стали частью стандартного инструментария, мы начи-

наем жить в мире других алгоритмов, других взаимодействий, то есть условия таковы, что они нас вынуждают так себя вести? Наверное, Всемирный банк пишет, тоже очень важная цитата, идущая параллельно с этой. «Необходимо, — пишет Всемирный банк, — принципиальное изменение экономического курса». Ну тогда опять получается, что система радикально видоизменяется. Мир проходит через существенные системные функциональные изменения, которые могут предшествовать формированию новой конфигурации международных экономических отношений. Здесь я позволю себе привести свою собственную цитату, которую я в декабре ушедшего года написал в журнале «Вопросы экономики», где говорю, что масштаб и сложность проблем возрастают, но можно надеяться, что экономические интересы и здравый смысл преобладают. Кажется, мысль общая, но на самом деле статья вышла, а потом я с интересом наблюдаю новости, где сообщается, что крупнейший мировой банк JPMorgan Chase нарастил свои вложения в российские активы в несколько раз (несмотря на неоднократные заявления о своем уходе из России). Вот пример, когда здравый смысл начинает пробивать себе дорожку вопреки политическим и иным формам давления. Надо понимать, что в условиях, где происходят столь фундаментальные системные изменения, у нас есть необходимые инструменты и необходимые возможности, только надо их правильно и вовремя использовать.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо, Михаил Владимирович. Пожалуйста, Никита Иванович Масленников.

Масленников Никита Иванович, ведущий эксперт Центра политических технологий.

В докладе, появившемся по традиции в начале года, что важно, фиксируются главные риски и ожидания — 2024. Прогноз глобального роста (из всех имеющихся в настоящее время) наиболее низкий — 2,4% (в МВФ — 3,1%, в ОЭСР — 2,9%¹). Чуть позже он был подтвержден Всемирным банком. Причем в развитых странах темп роста будет на 0,75 п.п. ниже среднего значения в допандемическое десятилетие, в развивающихся — на 1 п.п. (при темпе инвестиций в 3,7%, вдвое меньшем, чем в 2010-е годы). Темп роста международной торговли в целом ожидается также вдвое меньше среднего показателя с начала века.

Перспектива-2024 — самый слабый рост с 2010 года. Станет ли это «новой нормальностью», вопрос открытый. Во Всемирном банке предлагают противодействовать этому повсеместным наращиванием капвложений по принципу «инвестиции всех стран, соединяйтесь!» Однако возможность этого — скорее благопожелание, чем начало «новой реальности». Пока ясно, что новый виток глобального замедления уверенно формирует «площадки» для посадок «черных лебедей». В докладе все они названы: ужесточение монетарной политики, высокая стоимость заимствований, повышенный уровень госдолга, ограниченное пространство для фискального маневра, устойчиво низкие инвестиции, вялая международная торговля, ограниченный потенциал коллективного противостояния этим вызовам и растущие геополитические риски.

¹ Корректировка прогнозов МВФ и ОЭСР была сделана позже публикации доклада ООН — 29 января и 5 февраля — прим. авт.

Участники в своих оценках тоже неоптимистичны. Согласно декабрьскому опросу портфельных управляющих, проведенному Bank of America, 32% респондентов на первое место поставили риск наступления глобальной рецессии; на второе 27% — высокую вероятность запаздывания ведущих мировых центробанков с переходом к смягчению денежно-кредитной политики; на третьем месте, по мнению 17% опрошенных, оказалась геополитическая напряженность. *(В январе геополитика вышла на первое место — 25%, рецессия отодвинулась на второе — 24%, но опасения неповоротливости центробанков, потеряв 5 п.п., тем не менее «взяли бронзу» — прим. авт.)*

На мой взгляд, в докладе ООН недооцениваются риски продолжения ценового давления. В декабре инфляция в США и зоне евро прибавила 0,3 п.п. и 0,5 п.п. *(в январе чуть снизилась, но осталась выше ноябрьского темпа — прим. авт.)*. Возможно, сказалось традиционное для этого месяца потребительское ралли. Однако это может быть и признаком того, что инфляция в текущем году будет отступать медленнее, чем ожидалось ранее.

Я бы выделил два фактора, которые тоже не вполне оценены в докладе ООН.

Многие обозреватели в начале года стали говорить об утрате контроля за госдолгом. Триггер — США, где он превысил \$34 трлн, а в текущем году предстоит рефинансировать \$8 трлн. В других странах, особенно в развивающихся, проблем тоже хватает. Доля процентных выплат к бюджетным доходам в Китае — 5,7%, в Бразилии — 14,4%, в ЮАР — 18,5%, в Индии — 28,1%. В развитых странах — 7–9%. Центробанки будут находиться под давлением этого фактора, сохраняя монетарную жесткость.

Зыбкости ситуации добавляет и тот факт, что в 2024 году в 64 странах (с населением 4,2 млрд человек) пройдут президентские и парламентские выборы. Риск популистских корректировок налогово-бюджетной и монетарной политик значим.

Очень существенный риск — это связка протекционизма, ренессанса промышленной политики и тренда к тому, что все называют сегодня фрагментацией глобального хозяйства. В Международном валютном фонде посчитали, что в 2023 году было принято 2,5 тысячи мер промышленной политики по поддержке конкретных отраслей, компаний, введению таможенных барьеров. Из них 1800 напрямую ограничивают международные условия торговли, то есть противоречат тем или иным положениям ВТО, 822 меры касаются импорта, и они оказали воздействие на динамику 22% объемов международных торговых потоков в прошлом году. ЮНКТАД оценила динамику мировой торговли в прошлом году в 0,6%, но в этом году — чуть-чуть выше 1%. При этом половину всех этих решений приняли три макроэкономических региона — Соединенные Штаты, Евросоюз и Китай по принципу очень часто «око за око».

Оценок ее последствий немало. В МВФ считают, что полный разрыв торговых отношений между блоками приведет к падению глобального ВВП на 2,5%, инвестиционных объемов — еще на 2%. Наиболее уязвимые страны могут потерять 7–12% ВВП. В МВФ констатируют: США и Китай делают немало для материализации «призрака» распада глобального хозяйства. Неясно, правда, насколько они в этом преуспеют.

За последние пять лет доля Китая в импорте США, например, сократилась почти на 10 п.п. — до 13%. При этом

множатся факты, указывающие на то, что прямые связи двух главных экономик мира заменяются косвенными. Так, страны, в наибольшей степени увеличившие долю в импорте США, а именно Мексика (*в 2023 году — крупнейший экспортер товаров в Штаты — прим. авт.*) и Вьетнам, в свою очередь существенно увеличили долю в экспорте Китая и притоки прямых инвестиций из Поднебесной. Китайские компании наращивают свое присутствие в Мексике и ориентируются, прежде всего, на внутренний рынок США. По оценкам, в ближайшие два года каждое пятое новое предприятие в Мексике будет китайским.

В итоге налицо усложнение цепочек поставок от китайских поставщиков американским заказчикам с включением в них большего числа компаний из различных стран. Но такая ситуация означает рост транспортно-логистических и финансовых издержек, действующих как проинфляционный фактор. Такая диверсификация международной торговли, констатируют многие эксперты, развивается как компенсация размывания доверия в традиционных двусторонних связях. При этом цепочки поставок в целом становятся устойчивее к внешним шокам, но существенно дороже.

Фрагментация уже стала существенным проинфляционным риском. Реанимация ВТО становится безотлагательной, в том числе и как первый шаг к обретению нового облика мировой экономической целостности. Для РФ наступает время проработки и продвижения инициатив по переформатированию глобального хозяйства. Председательство в БРИКС в текущем году открывает для этого новые возможности.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо большое. Пожалуйста, Георгий Борисович Клейнер.

Клейнер Георгий Борисович, член Президиума ВЭО России, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

Свое выступление я посвятил теме, которую обозначил: «Многополярные риски многоуровневой экономики — 2024». Здесь подчеркивается, что экономика представляет собой сложную систему, включающую различные составляющие, принадлежащие географическому, функциональному, институциональному, когнитивному и иным пространствам. Кроме того, в экономике выделяются ярусы: мегаэкономика, макроэкономика, мезоэкономика и микроэкономика. Все эти составляющие являются источниками риска экономического развития.

Что я ожидал от обсуждаемого сегодня доклада, играющего чрезвычайно большую роль среди небольшого количества изданий, которые видят экономику как бы с высоты птичьего полета, замечая самые разнообразные явления? Во-первых, учета структурной сложности экономики. Анализ экономики с позиций многоуровневой сложности позволяет выявить то, что не видно при одноуровневом подходе. Если мы изучаем экономику только на уровне стран, мы не видим внутривосточных процессов; если изучаем только потоки между странами, не видим проектов; если изучаем только проекты, не видим

общей средовой структуры, общей структуры межстранового климата и т.д. Подход, основанный на учете сложности, может парадоксальным образом привести к простым и ясным выводам. Свою задачу при знакомстве с данным проектом я видел в развитии некоторых аспектов, касающихся многополярности и многоуровневости.

Если рассматривать многополярные риски, то мы можем, прежде всего, выделить географические риски, которые связаны с ситуацией в различных регионах, в том числе конфликтные ситуации и военно-конфликтные ситуации. Кроме того, мы можем выделить такой фактор риска, как разрывы цепочек, которые соединяют мировую экономику. Сейчас эти цепочки разрушаются, что будет иметь очень серьезные последствия. Такого рода события происходят и в Черном море, и в Красном море, и в Желтом море, и в других регионах.

Из числа остальных рисков следует выделить информационные риски. Переход информации и знаний из одной страны в другую связан с намеренным или случайным искажением смысла последних, что приводит к рискам информационного обмена. Парадоксально, но информационная открытость стран оказывается порой не менее опасной, чем информационная изоляция. Отметим, что информация не тождественна знаниям: знания представляют собой концентрированный и апробированный вид информации. Когнитивный анализ показывает, что недостоверные знания (фактически — антизнания) легко переходят из одного региона мира в другой. Динамика распространения антизнаний мне представляется очень серьезным риском, в первую очередь, потому что ему не уделяют достаточного внимания, и ан-

тирискowych мероприятий, направленных на минимизацию этого риска, практически нет. Никто не осуществляет регулярный «ремонт» антизнаний и полужнаний (в дальнейшем — перевод анти- и полужнаний в знания). Никто не контролирует валидность тех знаний, в том числе и фундаментальных, которые «путешествуют» в экономике из одной страны в другую и рожают неоправданные ожидания, необоснованные настроения, искаженное мировоззрение и т.д.

Многоуровневый анализ позволяет выявить уровневые источники риска. Основным источником конфликтов между различными факторами производства, в том числе между трудом и капиталом, между менеджерами и собственниками, между инновациями и рутинами, является микроуровень, точнее, предприятия. Обычно считается, что предприятия сами как-то внутри себя и между собой разберутся, адаптируются к институциональной системе. Это, однако, не так. Поэтому нельзя исключать из таких документов, как доклад ООН, который мы сегодня обсуждаем, анализ ситуации на микроуровне. Между тем жизнь огромного числа предприятий в России (да и не только в России, но в России в наибольшей степени это заметно) находится сейчас под угрозой. Многие отечественные предприятия сейчас фактически переходят из одной жизни в другую, из жизни с иностранными собственниками, технологиями и комплектующими в жизнь без них. Эта «бескислородная» жизнь существенно изменяет ситуацию в экономике, возникает огромный риск, который необходимо микшировать. Кроме того, дефицит кадров в стране также меняет ситуацию на предприятиях. Появляются неквалифицированные

замены, что относится и к людям, и к комплектующим, и к технологиям и т.д.

Что показал анализ проектов, реализация которых осуществлялась в мире в 2023 году? Эти проекты носили, как правило, краткосрочный характер. Ни один из длительных мировых мегапроектов не завершается в 2024 году. Отсутствие совместных мегапроектов усиливает барьеризацию и, как следствие, фрагментацию мирового экономического пространства.

Отдельного рассмотрения заслуживают риски, связанные с многоуровневостью экономики. Микроэкономические, мезоэкономические (отраслевые и региональные) риски приводят к макроэкономическим рискам, что в итоге выражается в снижении общей производительности экономики. Дисфункция мезоэкономических систем, с одной стороны, не позволяет смягчать риски, возникающие на уровне предприятий, с другой — не обеспечивает вертикального единства экономики, связи между ее верхним и нижним ярусами.

Еще один аспект отсутствует в докладе ООН — взаимосвязь между рисками и шансами. Сочетание рисков и шансов — это юрисдикция стратегического планирования. При построении системы стратегического планирования в стране необходимо сочетать эти два подхода — рисковый и шансовый.

Баланс между разнообразием и однородностью мировой экономической системы — это одна из основных задач, которую должна решать, в первую очередь, Организация Объединенных Наций и ее структуры. К сожалению, эта проблема не только не решается, но даже и не ставится, о чем свидетельствует обсуждаемый доклад.

В заключение хотелось бы отметить, что в ИМЭМО РАН разработан уникальный и чрезвычайно важный научно-методологический комплекс для стратегического планирования, где все перечисленные выше составляющие сведены в некое единое целое. Потребность в системном, целостном описании экономики по вертикали и по горизонтали по различным пространствам — это то, что мне хотелось бы видеть в докладе, подобном тому, который мы сегодня обсуждаем.

Дынкин Александр Александрович. Спасибо большое, Георгий Борисович. Мы движемся к концу. Абел Гезевич, Вы что-нибудь нам скажете?

Аганбегян Абел Гезевич, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор.

Прослушанные нами доклады во многих отношениях значимы и интересны. Но меня очень насторожило отсутствие в них понятия «инновации». Было много количественных показателей — объемы, рост или снижение, но не звучал термин «качество».

А ведь каждый экономический и социальный показатель, помимо количественного значения, имеет качественную характеристику. Если, к примеру, ВВП увеличился на 3%, то важно знать, а каково содержание, качественная значимость этих 3%, на что они нацелены? Это может быть увеличение традиционных товаров — угля, нефти, металла, древесины и др. Или это могут быть высокотехнологические товары и услуги. Результаты, связанные с этим перспективы, инновационный или социальный вклад будет разным.

В странах с отсталой экономикой и низким уровнем жизни, где многие потребности не удовлетворяются, ВВП растет в подавляющей части за счет традиционных товаров. И напротив, в высокоразвитых странах с высоким уровнем жизни, где многие потребности удовлетворены, и дополнительный спрос на соответствующие товары и услуги минимален, рост страны осуществляется во многом за счет инновационных высокотехнологических товаров и услуг, прежде всего за счет преобладания в них интеллекта — по линии НИОКР, образования, информационных технологий, особенно искусственного интеллекта, робототехники, ядерной и генетической медицины.

В заслушанных докладах, к сожалению, эти тренды не представлены.

Сравним относительно отсталую в технологическом плане Россию с США и другими развитыми странами. Доля России в производстве мирового ВВП превышает 4%, а ее доля в производстве высокотехнологических товаров и услуг в мире — 1,3%, втрое меньше. А доля Японии в мировом объеме ВВП — менее 6%, а удельный вес высокотехнологических товаров и услуг — 10,7%. Соответствующие показатели по Германии — 4 и 8,7%.

Возьмем экспорт. Доля России в экспорте около 5%, а в экспорте высокотехнологических товаров и услуг — 0,3%, а Германии — 15%, Японии — 30%, США — 39%. Объемы одно, а содержание и качество — совершенно другое.

Рассмотрим 2500 самых крупных инновационных фирм в мире, детально исследованных в 2019–2020 гг. В США — 775 таких фирм, в Японии — 309, в Германии — 124, а в России — 3. И продукция этих крупнейших фирм по отношению к валовому внутреннему продукту своей страны

в России около 1%, в США — 26, в Германии — 43, а в Японии — даже 67%.

Эффективность и потребительская ценность должны привлекать первостепенное внимание. В США, Японии, Германии и других передовых странах структура и простот товаров и услуг в разы эффективнее, чем в индустриальных странах, к которым относится и Россия.

Цены, по которым рассчитывается динамика ВВП, не полно учитывают эту эффективность и потребительскую ценность. Например, потребительские качества микропроцессоров в виде полупроводников удваиваются каждый год, а цена их отнюдь не удваивается. И сегодняшние полупроводники, которые можно купить за ту же цену, как 10 лет назад, имеют совсем другие потребительские качества, обеспечивают намного более высокую эффективность.

Еще труднее оценить влияние динамики ВВП на жизнь человека. По валовому внутреннему продукту в расчете на душу населения Россия примерно соответствует Турции, Польше, Чили, но ожидаемая продолжительность жизни в России 73 года, а в Чили — 81, Польше и Турции — по 78 лет. Дай Бог, чтобы мы достигли таких показателей хотя бы к 2030 г.

Вывод — 1% роста ВВП в России и развивающихся странах намного уступает по качеству 1% роста в развитых странах. Развитые страны растут по 1,5–2,5% за год, но они растут во многом за счет инноваций и высокотехнологических товаров и услуг, а также за счет сферы «экономика знаний». Россия и развивающиеся страны в основном растут за счет традиционных отраслей — в значительной мере низко технологических.

Источники роста тоже совершенно разные — в развивающихся странах преобладающий драйвер роста — инвестиции в основной капитал, и только на втором месте ему уступает вдвое по значимости — вложения в человеческий капитал, в сферу «экономика знаний». Ведь развивающиеся страны и Россия — это страны индустриальные, где промышленность вносит наибольший вклад в производство ВВП — 30–40%, а развитые страны вступили в постиндустриальный период, и у них доля промышленности в создании ВВП в США — 15%, а в странах Европы — 20–25%. Но зато в Европе доля сферы «экономика знаний» в ВВП (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии и здравоохранение) — 30–35% и 40% — в США. Так что основной драйвер социально-экономического роста в развитых странах — это образование и другие отрасли «экономики знаний», а инвестиции в основной капитал играют вторую важную, но подчиненную роль. И чтобы развиваться, развитым странам достаточно иметь удельный вес инвестиций в основной капитал около 20%, а развивающиеся страны, которые заметно увеличивают ВВП по 3–5% ежегодно, имеют долю инвестиций в основной капитал в среднем 30–35%. При 20% норме инвестиций в ВВП Россия закономерно вот уже треть века «топчется» на месте с ежегодным ростом экономики менее 1%.

Пора до конца осознать, что наше отставание по инновациям от других стран, не только развитых, но и многих развивающихся, катастрофическое. По суммарному глобальному инновационному индексу мы на 51-м месте в мире, по результирующим показателям эффективности этих инвестиций — 60-м.

Наибольшее отставание у нас по робототехнике. На 10 тыс. промышленных работников в России — шесть, а в Южной Корее — 924, в других передовых странах 200 до 400. Другой пример — в России семь суперкомпьютеров из топ-500, а в Китае — 198 и немного меньше в США.

Из 1302 инновационных фирм-единорогов стоимостью 1 млрд долл. и выше в России с 2020 г. нет ни одной фирмы. А в 2014–2019 гг. была одна фирма — Авито. В прошлом к таким фирмам, которые стали коммерческими, можно отнести ВКонтакте, Яндекс, возможно, инновационную часть Сбербанка и Телеграмм. Почему в России нет фирм-единорогов? Потому что не созданы условия и, прежде всего, нет финансирования. Десятки венчурных фондов в России, включая государственные фонды федерального уровня, концентрируют 2,3 млрд долл., в то время как фирмы США — 330 млрд, а Китай — 130 млрд долл.

При таком мизерном финансировании инноваций в России не могут сформироваться инновационные фирмы, поэтому значительная часть талантливых ученых, конструкторов, предпринимателей уезжают за границу, прежде всего в США, Великобританию и Германию, и там создают иногда с участием зарубежных партнеров инновационные фирмы-единороги. Из 1302 упомянутых фирм 28 создали россияне, в том числе одну из крупнейших в мире финансовых инноваций — фирму Revolut, основанную Николаем Сосновским. К тому же несколько россиян, получивших образование в России, стали крупнейшими венчурными инвесторами в США. Например, Юрий Мильнер, окончивший физфак МГУ и являющийся сыном нашего близкого друга Бориса Мильнера, замдиректора Института экономики РАН, члена-корре-

спондента РАН. Он профинансировал в создание крупных инновационных фирм в основном в США и Китае 19 млрд долл., из которых 7,8 млрд долл. — его собственный капитал, а остальная его часть — доверенный от других инвесторов капитал.

В заключение подчеркну главную мысль — при анализе мировой экономики, а также экономики России, нужно больше внимания уделять современным трендам по инновации и качественным характеристикам, тем более, что в последнее время эти тренды значительно возросли и в определенной мере их роль возрастает.

Дынкин Александр Александрович (заключительное слово).

Коллеги, мы должны уже завершать, и хочу сказать, что мне очень понравилось наше обсуждение, оно было высокопрофессиональным. Я признателен Ирине Борисовне, Дмитрию Рэмовичу, всем выступающим. Мне кажется, что обсуждение было интереснее доклада, потому что в докладе, когда я его читал, я отчетливо видел политические ограничения авторов. Борис Николаевич эту тему поднял. Я ее уже в этом году не стал поднимать, потому что в прошлом году на аналогичном мероприятии сказал, что мне очевидно, что цели устойчивого развития выполнены не будут. Признать это секретариату ООН и генеральному секретарю ООН — это подобно самоубийству. Понимаете? Поэтому к этому надо относиться с пониманием вот этой пресловутой политической корректности.

Александр Александрович Широков говорил о том, что Китай занимает у нас большое место в экспорте, но и мы за-

нимаем тоже растущее место во внешней торговле Китая. В прошлом году экспорт Китая сократился во все страны, вырос только в Россию, причем рост был двухзначным и двухзначными темпами. Это говорит, что мы тоже представляем, на мой взгляд, интерес. Что с этим делать? Я считаю, что надо выходить на альтернативные крупные рынки. Это прежде всего Индия, Индонезия, Вьетнам. Особо другого пути я не вижу.

По поводу БРИКСа. Я считал, что в условиях реальной ситуации в мировой торговле крупные рынки, которые контролируют страны БРИКС, особенно если войдет Саудовская Аравия и Эмираты, то можно как-то двигаться в сторону создания картеля, подобного ОПЕК в других секторах рынков. Можно с ними об этом разговаривать. Но позавчера мне прислали на отзыв программу проведения этого мероприятия БРИКС. Там 189 мероприятий. Каждое ведомство проводит свое мероприятие. То есть какой-то объединяющей идеи, к сожалению, там я не увидел, и мне кажется, в нынешней ситуации неопределенности — это не очень хорошо.

Одно из последствий в мировой экономике, то, что видно сегодня, — что сегодня зашкаливает фрахт. Исэтойточкизрениятакиеальтернативныемаршруты,как вертикальный маршрут «Север-Юг», как Северный морской путь, — они приобретают дополнительные конкурентные преимущества. Об этом нам тоже надо думать, потому что фрахт сегодня, по-моему, уже удвоился, по крайней мере в Средиземном море.

Действительно, Владимир Дмитриевич Миловидов говорил про дезинформацию, и коллеги тоже эту тему подхватили. Очевидна асимметрия информации. И Георг-

гий Борисович говорил о том, что есть такое полужнание или незнание, которое кочует из одной страны в другую. Но это не только в экономике. Георгий Борисович, посмотрите на медицину. 15 лет тому назад все говорили, что статины — это добро, а сегодня все говорят, что статины — это зло. Поэтому это неизбежное свойство трансферта любого вида знаний.

Я абсолютно согласен с тем, что говорил Борис Николаевич по поводу климатических рисков. И я бы даже шире поставил эту тему. Сегодня в таком политическом дискурсе что в Соединенных Штатах, что в Западной Европе абсолютно доминирует левая повестка, и вот эта левая повестка говорит о том, что климатические ограничения, все это, нужно переходить к нулевому росту или даже отрицательному росту. Я не хочу погружаться в такой политологический, идеологический анализ этих вещей. То же самое — демократическая партия Соединенных Штатов. Но если вы посмотрите, вот прошли в Айове первые собрания партийные республиканской партии, которые у нас называются странным словом «кокусы». Это были партийные собрания республиканской партии в США. Программа такая же: промышленная политика, регулирование гигантов ИТ, масса вещей, которые призывают к таким широчайшим государственным интервенциям в экономике.

И последнее, о чем я хотел бы сказать: реанимация ВТО — я в это, честно говоря, не верю. Если Китай возьмет на себя лидерство в этом процессе, он столкнется с ожесточенным сопротивлением Соединенных Штатов. Поэтому я считаю, что на ближайшую перспективу такие сломанные стандартные правила в мировой торговле.

Именно поэтому и исходя из этого я говорю о том, что нам надо двигаться в сторону, насколько это возможно, их непросто будет к этому склонить, но к кластеризации мировой экономики в наших собственных интересах.

Я еще раз благодарю всех, и до встречи через год, я надеюсь.